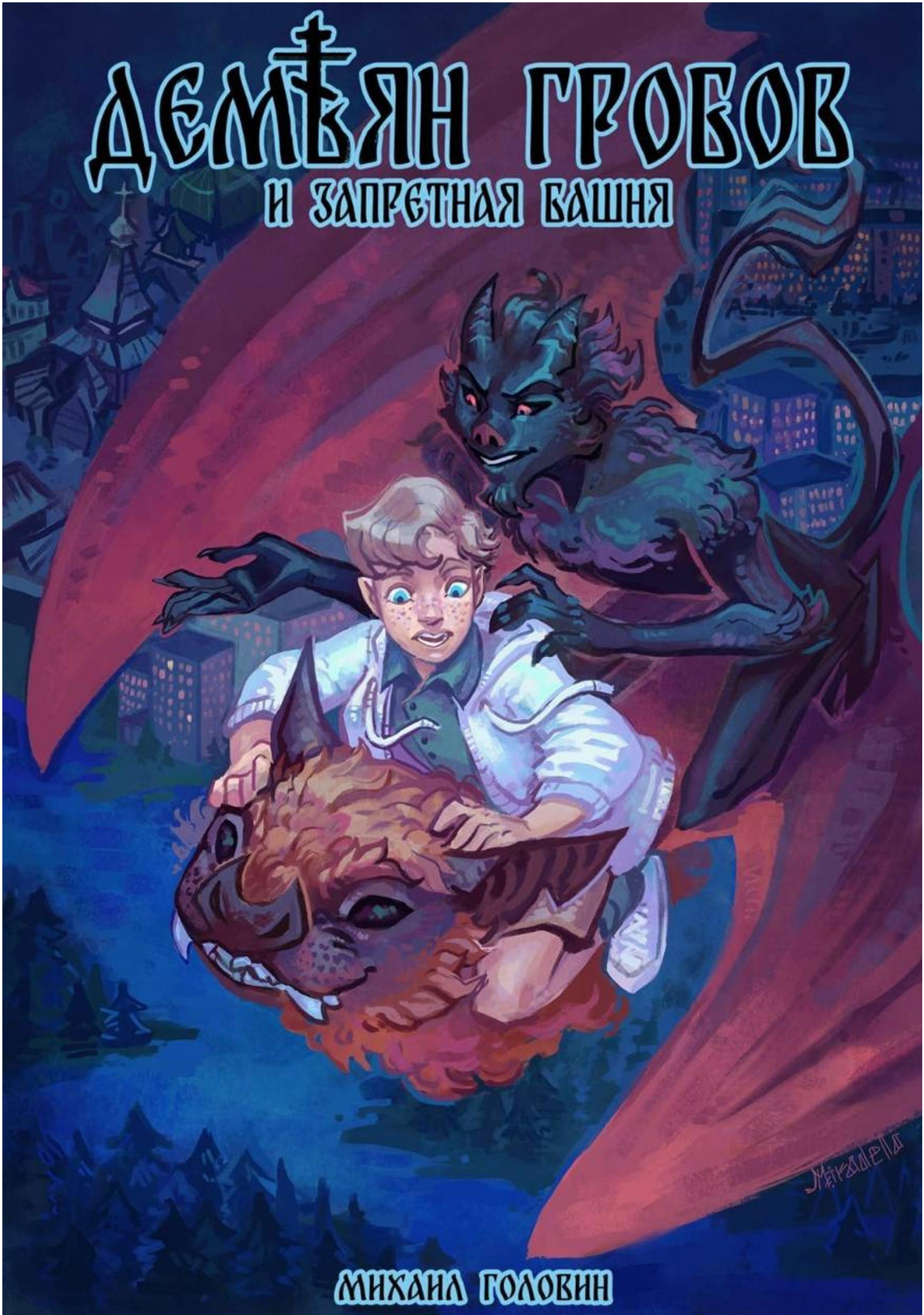
Демьян Гробов
и запретная башня

Михаил Головин

Михаил Головин

Демьян Гробов и Запретная башня. Часть 1

«Автор»
2025

Головин М.

Демьян Гробов и Запретная башня. Часть 1 / М. Головин — «Автор», 2025

Двенадцатилетний Демьян Гробов живет в подмосковной квартире с отцом-священником и шестью братьями, даже не подозревая, что он не обычный мальчик, а полувурдалак. Но однажды является черт и пробуждает его силы, после чего жизнь Демьяна меняется навсегда. Он узнает, что зачислен в Школу вурдалаков и ведьмовских таинств, а так как для отца он теперь нечисть, а для братьев - мертв, решает принять приглашение в надежде найти способ вернуть себе прежнюю, человеческую жизнь.

© Головин М., 2025
© Автор, 2025

Михаил Головин
Демьян Гробов и Запретная башня. Часть 1

Демьян Гробов и Запретная Башня
Часть 1

Глава 1. Старинный долг

Ночью, сопротивляясь метели, перепрыгивая сугробы и едва не попадая под колеса машин на дорогах, бежал человек. Он упорно мчался без оглядки к небольшой церкви, стоящей в глубине городского парка. Церковь освещалась уличными фонарями, но из-за пурги их свет казался тусклым. Неистовый холод пробирал человека до костей. Под вой метели и стук собственных зубов, под стон тяжелой, массивной двери он наконец-таки проскользнул в церквушку.

Человек был крайне взволнован и напуган. Он метался от одной иконы к другой. Вскоре его тревожность утихла, и он упал на колени перед Богородицей, сбросив с плеч свое пальто. Но прежде зажег свечи в большом церковном подсвечнике – кандиле.

Сжав свой висящий на шее крест в ладонях у груди, священник принялся молиться. Его неуверенный шепот эхом разлетался по пустым холодным углам церкви и умирал там.

Молящийся был с бородой, впалыми щеками и обвисшими веками. На голове было надето что-то напоминавшее церковный головной убор – скуфью или комелавку. Лицом он походил на старика, но крепкая спина и ноги выдавали примерно четвертый десяток лет. Из молитвенной речи отчетливо выделялись фразы «облегчи мучения ей» и «сохрани жизнь и ему».

Совсем скоро он отвлекся от молитвы – дверь церкви распахнулась порывом ветра и со звоном бахнула. Ветер от сквозняка пробежался по всей обители Господа, колыхнув пламя свечей в кандиле.

Проигнорировав это, он вновь повернулся к иконе и склонил голову к груди. В церкви стало заметно холодать. Молитва священника сбивалась – от холода язык заплетался, и служитель церкви изредка растирал предплечья, чтобы согреться.

Молящийся приоткрыл глаза и взглянул на кандило. Пламя, подпрыгивая, трещало и, словно угасая, делалось все меньше и меньше.

Встав и подойдя к кандилу ближе, священник заметил чёрные потеки воска, сползающие по свечам. В их свете он также увидал пар от дыхания, что клубился под его носом. А принюхавшись, учуял, что воздух быстро начал пропитываться гнилью и сыростью.

За его спиной по стене метнулась тень, на мгновение очернив лики икон.

– Кто здесь? – вскрикнул он, едва не свалившись от разворота.

Ответа не последовало. Тогда служитель церкви накинул на себя пальто и вновь упал на колени, забубнив молитву.

Под его мольбу из глубины церкви раздался голос, похожий на сдавленное сиплое рычание.

– Я согрешил, священник. Хочу исповедаться.

Подскочивший от страха церковный служитель наступил на подол своего пальто и повалил кандило на пол. Почерневшие словно от мазута свечи затухли, и церковь, что едва освещалась слабым желтым светом единственного кандила, погрузилась в еще большую темноту. Света от уличных фонарей едва хватало, чтобы разглядеть убранство церкви. И все же, встав на ноги, служитель Господа сделал шаг в полумрак и попытался взглядом найти того, кому принадлежал этот нечеловеческий голос. Дышать становилось труднее, от страха сперло дыхание.

Сделав еще пару шагов, он увидел фигуру, укутанную в плащ, издевательски повторявшую позу молящегося у ног большого распятия Иисуса Христа.

– И какие же грехи ты взял на душу? – набравшись смелости, спросил священник гостя.

Гость отвечать не спешил.

– Многие… – всё же проговорил он.

– У каждого из нас достаточно грехов. И какими бы они ни были, все достойны отпущения, – незваный гость молчал. Священник сглотнул, ожидая ответа.

– Даже такие, как убийства? – в голосе чужака чувствовался не то азарт, не то интерес, не то издевательская нотка.

Священник в оцепенении раскрыл рот. Гость зашевелился, и подолы мантии зашелестели, как листья по ветру, нагло нарушая молчание служителя.

– И кого же ты убил?.. – боясь ответа, выдавил из себя наконец-таки он.

Плечи незнакомца от прерывистого смеха задвигались под мантией.

–Я? – продолжил он. – Многих…

– Что ж. Отмаливание будет долгим, – священник старался держаться стойко.

Спина, что была услужливо согнута перед распятием Христа, выпрямилась, и над спавшим с затылка капюшоном появилась голова. С темными сальными волосами, спадавшими на плечи.

– Разве я сказал, что хочу покаяться в убийствах? – в голосе гостя чувствовалось оскорбительное возмущение.

Слуга Господа осекся, прикусив губу, спросил:

– Так какой же грех страшнее душегубства заставил тебя прийти сюда?

– «Душегубства…», – протянул издевательски чужак. – Каких слов мы понабрались. Что ж… – церковный служащий услыхал, как гость жадно, со свистом вдохнул ноздрями воздух, а затем начал громко говорить двухголосно: – Я убил своего брата… К черту!.. Я убил отца… К черту!.. Но вместе с тем… – двухголосый рык перешёл в подавленный одиночный стон. – вместе с тем я сделал дитя сиротой… Вот мой грех.

В церкви повисла тишина. Священник оторопел. Поджав губы, он взялся за свой крест и, взглянув на главный вход в церковь, сказал:

– Молитва «Отче наш» или «Богородица, смилуйся» тебе в помощь, – затем плавно двинулся к двери, не отводя от нечестивого гостя взгляда. По церкви эхом разлетелся колкий смешок.

– Много же ты молитв выучил с нашей последней встречи, Прокофий… –слуга Господа, словно пронзенный молнией, замер. – А я до сих пор ни одной не знаю, –закончил гость.

Скованный словно невидимыми цепями служитель церкви стал всматриваться в своего собеседника. Он пытался предположить, откуда тому известно его имя. В глазах блеснуло не то воспоминание, не то предположение, и от этого он побледнел пуще прежнего.

– Кто ты? – теряя дар речи, спросил Прокофий. Сердце начало биться сильнее, заглушая собственные мысли. Пылинки, плавно летавшие в редких проблесках света от уличных фонарей, застыли. Вьюга с метелью за пределами церкви стихли. Всё, абсолютно всё провалилось в тишину. Да в такую, что давила на уши. Ответ Прокофию явился не словом. Фигура, сидящая у ног Христа, медленно встала на ноги. Некто под мантией был тощ, плечи под ней казались острыми. Нечестивец обернулся на Прокофия, и тот сорвал с груди крест, вытянул его перед собой и сжал так, что побледнела рука.

– Прочь отсюда! ИЗЫДИ!

Перед дрожащим крестом во мраке церкви засветилось трупным цветом лицо. На узких губах была запекшаяся кровь. На остром подбородке и на шее были так же засохшие потеки крови. На вид человек был моложе Прокофия, но выглядел потрепано, уставше и зловеще. Руки его были скрыты под мантией на уровне груди: похоже, он что-то держал, пытаясь это

сберечь. Прокофий еще раз попытался изгнать незваного гостя из обители Господа, но тот уходить вовсе не собирался.

Тяжелые веки чужака распахнулись, обнажив бездонные словно колодец черные глаза.

– Скажи, Прокофий, неужто страх был настолько невыносим, а просьба чересчур постыдна, что они привели тебя к Господу?

– Не важно, что меня привело к Господу. И неважно, по какой тропе! – дерзко возразил он нечестивому.

– Ну да…– просипел тот в ответ, усмехаясь. – Твоя чересчур загаженная не исключение.

Прокофий прищурился, губы дважды попытались разомкнуться. Поджав их, он на секунду-другую задумался.

– Да… Ты прав… – ответил он тихо, сжимая крест в руке все сильнее. – Как видишь! Но…Теперь вот убираюсь, – священник обвел второй рукой церковь, призывая гостя осмотреть величие дома Господня. Гость подобный жест и иронию не оценил, как понадеялся Прокофий.

– Думаешь, выученные молитвы, ряса и наставления других спасут твою душу? –чужак шагнул вперёд. Прокофий подался назад, чуть не выронив крест. Нечестивый довольно улыбнулся и продолжил: – За это врата к Господу не открывают, друг мой.

– Не тебе говорить, за что открывается перед душами людскими Царство Небесное!

Сказанное Прокофием рассмешило гостя. Дикий, возбужденный смех, вырываясь разными голосами из пасти, будто голоса бесов из преисподней, обнажил острые почерневшие зубы. Адский гогот тревожил иконы и распятия. И те, и другие дрожали на стенах.

Вскоре гость умолк, и его глаза азартно сверкнули.

–Зато я знаю, за что открываются врата Ада… – Прокофий тревожно сглотнул, крест резал ему руку от сильного сжатия. – Да ты и сам это знаешь, верно? – закончил незваный. В церкви, казалось, нет ничего такого, что могло бы породить тень, но она явилась вновь. И в этот раз Прокофию удалось её лицезреть как есть. Позади чужака его собственный силуэт рваными лоскутами жадно пополз вверх. Прокофий, увидав это, перекрестился трижды и незамедлительно отступил. Тень, оскорбительно оплетая ноги Иисуса, вскоре распласталась по всей стене, на которой висело распятие. Где-то в глубине груди нечестивого послышались тихие ликующие вопли.

Гость стоял надменно. Служитель церкви бросил мимолетный взгляд на Христа, будто ожидая помощи. Но Иисус, прежде безмятежный и умиротворенный, таким и оставался.

– ХВАТИТ! ДОВОЛЬНО! – сорвался Прокофий на отчаянный молящий крик, и ноги его подкосились. Пятясь, он упал. Выронив крест, он тут же схватил его трясущимися руками и, словно перебрасывая в руках горячую картошку, поймал наконец-таки за основание.

– Ха–ха! Постарел ты, друг мой, – гость довольно наблюдал за трепыханиями священника. – Стал неуклюжим и… Более трусливым.

– Да что тебе надо? – жалобно прошептал Прокофий. Голосом он просил немедленно оставить его в покое. Губы тряслись, как у ребенка, готового вот-вот разрыдаться.

Тень сползла, как и улыбка ее хозяина.

– Ты должен вернуть мне долг… Пришло время платить, Прокофий, – сказал тот.

У Прокофия все оборвалось внутри. Страх начал давить на грудь и ребра.

– И…– без сил начал Прокофий. Боясь ответа, не решался на вопрос. И все же ожидание было невыносимо. – Что же ты хочешь? Мою душу?

По церкви разлетелось презрительное фырканье.

– Твоя душа не стоит даже телеги навоза, –Прокофий свободно выдохнул, хотя был несколько задет подобными словами о своей душе. – Нет, друг мой. Мне от тебя нужно другое…

– Ну? Не томи! Говори! Что же? – Прокофий вставать с пола не спешил, боясь снова упасть. Гость охотно глядел на то, как священник мучается в размышлениях. У него вновь

появилось охотное желание поиздеваться над ним, потомить. Но увидев, как тот уже был похож на одну из догоревших в кандиле свечей , передумал. Под мантией зашевелились наконец-таки его конечности. Из многочисленных складок показались тощие, костлявые руки с такими же пальцами. Пальцы-пауки с опухшими, узловатыми костяшками бережно огибали небольшой «кокон» из одеял. Под ногтями виднелись куски грязи и земли.

– Что это? – негодующе вымолвил священник.

– Это наша погибель и ваше спасение, – гость кончиками пальцев аккуратно оттянул одеяльце, и в нем показалось человеческое лицо. Пухлое, розовощекое. Ребенок в одеялах спал как заколдованный, не слыша и не чувствуя, что происходит вокруг него.

– Ваша погибель и наше спасение? – Прокофий неспешно встал на ноги. Крест он уже не держал перед собой, но и подойти ближе не решался.

– Во всяком случае, так думают некоторые из нас. Отчего и хотят его смерти. Другие же верят ровно в обратное… Я же… – незваный гость задумался, смотря на малыша. – Не разделяю убеждений ни первых, ни вторых.

Прокофий молчал. Нечестивец, не отводя головы от ребенка, метнул взгляд на священника.

– Возьми его к себе на воспитание.

– Усыновить? – изумленно спросил Прокофий.

– Да, – подтвердил гость. – Это дитя должно расти как смертный человек. Он будет тебе сыном, а ты…

– ТАК ОН ТОЖЕ ВУРДАЛАК? – священник горячо вскрикнул и вновь сжал крест в своей руке, вытянув перед собой.

– Полукровка, – поправил священника гость.

– Это ничего не меняет! Настанет день, и он обратится в такого же… В такого же… – Прокофий подбирал слова не слишком острые, дабы в случае чего не лишиться жизни. –Он станет таким, КАК ТЫ!

– Не станет, – к удивлению Прокофия ласково сказал незваный. – Я сделал всё возможное, чтобы силы тьмы в мальчике не пробудились… – священник сжимал челюсть от неприязни. Чужак продолжил уверять: – Даже когда солнце отмерит положенный срок в 11 лет, мальчик останется мальчиком.

– Исключено! – Прокофий отрицательно замотал головой. – Это невозможно! Полукровки всегда пробуждаются!

– Разве я похож на того, кто не уверен в своих словах или действиях, священник? – незваный вновь возмутился, его глаза и лицо полыхнули красным. Прокофий утихомирил свой пыл и на всякий случай сделал шаг назад.

– Нет, – покорно сказал он. – Не похож… Но дитя на воспитание я взять не могу.

– Почему? Подобный душевный жест точно тебе зачтется ИМ, – нечестивый взглянул наверх, и Прокофий невольно поднял глаза туда же. Будто действительно сверху кто-то за ними наблюдал.

Священник задумался.

– Нет. Я один раз уже взял на душу непростительный грех… – Прокофий взглянул собеседнику в глаза. – Связался с тобой. Больше со слугами тьмы я ничего общего иметь не хочу!

– Значит, отказываешься возвращать мне долг? Так, священник? – уточняюще спросил гость. Нечестивец распахнул глаза еще шире, на лице проступили черные пульсирующие вены. Стены церкви загудели. Он вновь говорил не одним голосом. Теперь с Прокофием говорила будто целая разгневанная толпа.

– А не ты ли как щенок скулил, прося о помощи? –стены глумливо стали подвывать, передразнивания Прокофия. Тот пятился от «друга», вновь мотая крестом. На него продолжал наступать нечестивый.

– А не ты ли клялся во всём, что угодно, лишь бы спасти свою шкуру? – по церкви шепотом разлетелись людские клятвы, также нагло передразнивая Прокофия. Священник настолько сильно сжал свой крест, что по основанию заструилась кровь.

– ПРОЧЬ ОТСЮДА! УБИРАЙСЯ! ИЗЫДИ, ДЬЯВОЛ! – Прокофий принялся читать «Отче наш», стараясь заглушить по-хозяйски бушевавшие в церкви голоса.

Незваный гость наступал уже более широким шагом. Прокофий, не сводя с него глаз, суетливыми шагами пятился спиной к главной двери.

– НЕ ТЫ ЛИ ПРОСИЛ СПАСТИ ТЕБЯ ОТ ЭТОГО? – вурдалак сорвался на громкий низкий вопль. Крест в руке Прокофия вспыхнул огнем. Уронив его, священник почувствовал, что спину чем-то обожгло, и обернулся. Главная дверь в церковь распахнулась с грохотом, оббив собой стену, и вместо метели и вьюги в дом Господа влетели языки пламени. Огонь клубами прорывался внутрь. Из него, наваливаясь друг на друга, ползли обугленные грешники. Впиваясь ногтями в пол, они приближались к Прокофию, стараясь ухватить его за ноги. Прокофий отскочил от двери и влетел спиной в вурдалака, словно в холодную каменную статую. Упав на пол, он уткнулся лицом в ладони и завопил. Слёзы градом стекали по щекам.

– ХВАТИТ! УМОЛЯЮ!

В секунду все прекратилось. Дверь захлопнулась, всосав в себя пламя и тела, голоса преисподней стихли, стены приняли прежний вид. Незваный гость сел перед Прокофием. Его рука коснулась плеча. Прокофий, взглянув на собеседника, дрожащим голосом прошептал:

– Я не могу его взять, Григор. Прости… Дважды связываться с… – Прокофий поджал губы. – Не могу… Прости… Умоляю… Уходите…

Прокофий уткнулся взглядом в пол. Григор пальцем приподнял его голову за подбородок и заинтересованно взглянул в глаза. Белки вурдалака, что хоть как-то виднелись, уступили место расширяющимся зрачкам. Теперь в священника всматривалась сама тьма.

– А–а–а, – довольно прошипел он. – Приближающая радость отцовства… Вот оно что.

Прокофий от услышанного онемел. Он прикусил язык и старался не сболтнуть ничего лишнего. Григор ждал, когда священник подаст телом хоть какой-то знак. Знак насчет его правоты.

Незваный гость приподнял свою голову, принюхиваясь. Прикрыв глаза, он глубоко и с наслаждением вдохнул.

– Ммм, – протянул вурдалак. – Твои молитвы были услышаны, священник.

Прокофий испуганно и недоуменно вскинул брови. Глаза его забегали в раздумьях.

Григор распрямился, спрятал дитя под складками мантии и произнес напоследок:

– Запомни, – спокойно добавил он. – Я всегда получаю от своих должников то, что хочу, друг мой.

Улыбнувшись неоднозначно Прокофию, вурдалак темным вихрем летучих мышей растворился под куполом церкви.

Прокофий несколько раз потерянно повторил последние его слова: «приближающаяся радость отцовства», «твои молитвы были услышаны» и «я всегда получаю то, что хочу».

– Нет, – внутри все сжалось. Он незамедлительно вскочил и выбежал из церкви, оставив свое пальто.

Перепрыгивая сугробы и овраги, он добежал до своего двора. Найдя у себя в кармане ключ, Прокофий открыл дверцу старенького подержанного автомобиля и сел за руль. Выжав педаль газа в пол, Прокофий через некоторое время оказался около родильного дома.

Заехав на его территорию, мужчина остановился на ближайшей пустой разметке и, выскочив из машины, как пробка из бутылки, подбежал ко входу. Потянув с силой на себя дверь, он мигом проскочил внутрь. Около турникетов его встретили охранник и пара медсестер. Прокофий в спешке что-то говорил, махал руками. Просил разрешения пройти.

Вскоре медсестрам и охраннику из обрывистых фраз Прокофия все же удалось что-то понять.

– Нет, уважаемый. Ночь на дворе. Часы приема можете посмотреть на стенде.

Но Прокофий словно не слышал. Он вновь заговорил о том, что ему срочно надо увидеть супругу, и спрашивал, не случалось ли у них в больнице чего-то подозрительного в последние пятнадцать минут?

Персонал лишь пожимал плечами, мол, ничего такого не было. Охранник попытался вежливо выпроводить батюшку. На удачу Прокофия в коридоре появился доктор в белом накрахмаленном халате. Он, направляясь к источнику шума, широкой и уверенной походкой подошел к Прокофию.

–Что здесь за гам? – спросил требовательно он.

Прокофий изъяснился более внятно, и лицо врача засияло озарением.

–А, вы Прокофий Иванович? Гробов?

–Да, – подтвердил священник. – Прокофий Иванович Гробов. Моя жена…

Врач по-доброму коснулся его плеча, тем самым прервав батюшку, и заверил его.

–Не волнуйтесь! Теперь все порядке. Ваша супруга жива и здорова, как и ребеночек. Так что все опасения остались позади. Поздравляю вас, кстати, – врач пожал руку Прокофию. Тот обмяк от услышанного, но отступать не собирался. Прокофий в очередной раз спросил разрешения повидаться. Хотя бы на чуть-чуть.

О Григоре и слугах тьмы Прокофий, кончено же, рассказывать никому не собирался. Вдруг из родильного дома его тут же увезут в сумасшедший дом? Так что свое желание он объяснил предсказуемо для других.

–Я боялся потерять их обоих. Доктор, умоляю. Дайте убедиться, что они в порядке.

Доктор задумался. Конечно, исключений быть не может, даже для батюшки, но его ситуация и вправду была нелегка. Роды были слишком тяжелые. Да и сам врач трижды отец. Понимал, каково это - переживать за родных. Так что доктор в итоге пошел Прокофию навстречу и проводил его в палату к супруге и сыну. Заранее предупредив, что надолго оставить их не может.

– У вас десять минут, – сказал он и закрыл за собой дверь в палату, оставив семью наедине.

В палате на кровати лежала измученная женщина. Мокрые от пота волосы прилипли к лицу. Но, несмотря на это, она улыбалась. Улыбалась, глядя на укутанного в одеяльце малыша на её руках.

Прокофий метнулся тут же к жене и ребёнку.

– Как вы? Всё хорошо? – дрожащим голосом спросил он.

Супруга в ответ кивнула с улыбкой. Прокофий, внезапно ошеломленный догадкой, начал метаться по всей палате, выглядывая в окна, заглядывая в каждый угол и даже в мусорное ведро.

– Здесь никого не было? Никто не заходил?.. Эм… - Прокофий взглянул на жену. - Такой... странный?

В ответ священник получил нужный ему ответ, что никого в палате не было.

– Успел, значит... Или он сблефовал?.. – с выдохом сказал он сам себе и подошел к своей семье.

– А что стряслось, дорогой? – спросила мама малыша слабым голосом.

– Ничего, все хорошо.

Подойдя ближе и увидев, что малыш спокойно спит, Прокофий упал на колени и, уткнувшись в живот супруге, заплакал. Он заботливо обнял, а затем одарил поцелуями и её, и своего первенца.

– Дорогой, я бы хотела назвать его Демьяном, – предложила супруга Прокофия, и тот, всхлипнув, кивнул головой.

– Думаю, Господь не будет против… Демьян. Красивое имя.

На улице метель всё бушевала и бушевала. А с ветви ближайшего дерева, как летучая мышь, укутанный в мантию, свисал Григор. В руках он держал новорожденного малыша, в унисон завывающего с метелью, и вглядывался в палату через стекло.

–Демьян… – повторил Григор. – Хорошее имя тебе досталось, мальчик мой.

Затем вурдалак взглянул на Прокофия.

– Ну а ты, мой старый друг, прости меня. Это было необходимо, – с сожалением в голосе сказал Григор, переведя взгляд на малыша у себя в руках. – Обещаю, твой сын получит жизнь, за которую любой смертный продал бы душу.

Григор поправил одеяльце еще мокрому и плачущему малышу и, поймав порыв ветра, исчез с новорожденным в холодной ночи вместе со своими крылатыми слугами.

Глава 2. Козлиный переполох

С той памятной ночи в церкви, которую Прокофий Иванович, священник, вспоминает не без молитв, прошло почти 12 лет. Вместе с годами он обзавелся сединой и морщинами, но все же Прокофий не был настолько старым, чтоб хвататься за кроссворды и засыпать с ними в кресле посреди дня. Вместо этого он усердно работал, служил в церкви и со всей серьезностью и душой воспитывал своих сыновей, которых у него, после рождения первенца, прибавилось аж на шесть. Что же касается первенца – речь идёт о том младенце, которого тайно подменили и нарекли красивым именем Демьян, - то он и не подозревал, что между ним и Прокофием никакой родственной связи не было. Об этом не догадывался, разумеется, и сам Прокофий. Ну а вопрос о родстве остальных мальчишек положительного ответа не подразумевал, и те знали почему.

Всё их большое и дружное семейство уютно расположилось в просторной городской квартире по Котловской улице дома номер 17. Прокофию Ивановичу повезло заполучить её в дар от своих родителей, которые долгое время безрассудно и слепо потакали ему во всем. Но, слава Богу, они это признали хотя бы в конце своего пути. К сожалению, они не дожили до того момента, когда Прокофий Иванович встал на правильный путь и с каждым годом старался жить как порядочный христианин и любящий отец.

В одну из августовских ночей Прокофий Иванович крепко спал в своей кровати, чего нельзя было сказать о светловолосом мальчишке, спавшем за стенкой. Демьян вот уже седьмую ночь подряд мучился от ночного кошмара. В нем он видел один и тот же сон: непроходимый лес, промерзшую сырую землю, по которой он рассекал босиком, и того, кто вечно дышал ему в затылок, ходя за ним по пятам. Сон, к слову, кончался всегда одинаково, до этой ночи… Вытрепав всю душу и вдоволь насладившись мучениями мальчишки, виновник кошмара показывался как есть в истинном обличии. Но при пробуждении Демьян напрочь забывал личину своего мучителя, и какие бы ни прилагал усилия, чтобы вспомнить - ничего не получалось. Вот и в этот раз всё было так же… Ну, почти. К горлу мальчика потянулась когтистая рука, и сквозь кошмар прорезалось: «Демьян!» Кошмар лоскутами расползся, уступив место рыжему мальчишке с веснушчатым лицом, но прежде чем он смог его увидеть, в памяти Демьяна плотно отпечаталось недобрая сказанная чудищем фраза.

– Демьян, это я! Игог'ь! Ты слышишь? Пг'оснись! – рыжеволосый, кудрявый и картавый мальчуган теребил Демьяна за плечи. А тот продолжал вскрикивать и размахивать руками перед своим лицом.

– Прочь! Уйди!

– Это я! Демьян, тише! – повторил Игорь и зажег ночник на прикроватной тумбе. Демьян отскочил прыжком в угол к стене, к которой была приставлена его кровать, и с трудом вздохнул.

– Ну? Пг'ишел в себя? – спросил Демьяна Игорь.

Но Демьян отвечать не спешил. Обливаясь холодным потом и тяжело дыша, он вытер рукавом пижамы лоб и сделал глубокий вдох. И только лишь после того, как увидел перед собой в свете ночника обычного мальчика, выдохнул и кротко кивнул.

Игорь, видя, в каком состоянии пребывает его брат, не спешил задавать ему вопросы. Тем временем у Демьяна было время осмотреть небольшую комнату, где стояло всего три неширо-ких кровати, у каждой из которых по тумбе, и небольшой шкаф у двери. Одна из трёх кроватей, в дальнем углу, временно пустовала.

Некоторое время спустя Демьян перевёл взгляд на Игоря, видя, что того так и распирает желание расспросить об очередном кошмаре. Игорь был единственным, с кем Демьян стал делиться недавними сновидениями. Возможно, причина была в их кроватях, стоящих в одной комнате, или в более чутком сне Игоря. Или в его дотошности, благодаря которой он мог и мертвого разговорить, тычась в того своим острым носом.

– Ну? Опять он? Тот самый? – незамедлительно выпалил рыжеволосый брат, получив от Демьяна кивок в знак согласия на то, чтобы Игорь не мучился и высвободил уже наконец свое любопытство.

– Да.

– На этот г'аз запомнил?

Демьян с досадой покачал головой.

– Нет.

– Ничего не помнишь? Может, это был медведь?

– Нет. Ощущение, что не зверь. Но и не человек.

Игорь сосредоточенно и с умным видом поднял подбородок.

– Не звег'ь и не человек… Хм. О! – огромная луна в окне навеяла одно из разумных, как казалось Игорю, предположений. –Обог'отень?

Демьян покачал головой.

Игорь подставил указательные пальцы, согнутые крючком, к своему рту.

– Может этот? Клац-клац, – спросил он, подразумевая, судя по пальцам-клыкам, вампира.

– Нет. И не он.

Демьян глубокомысленно откинул назад голову. Несмотря на то, что он не помнил своего мучителя, он почему-то был уверен, что это ни оборотень, ни вампир, и никто другой. И даже несмотря на лес, это был не леший. Никто, кого бы не перебирали ребята, и близко не подходил. Ни русалки, ни домовые, ни лешие с кикиморами, ни тролли, ни ведьмы с колдунами и своими приспешниками, ни зомби, внезапно восставшие из могил. Никто. И даже не сосед дядя Ваня, который после вахты дышал не лучшим ароматом в затылок соседям в лифте. На мгновение Демьяну показалось нецелесообразным думать о своем сне. Однако он вспомнил, что они слишком реалистичные. да к тому же настойчиво повторяющиеся – повод перебрать нечисть на всякий пожарный. Знать бы ещё, что с этим потом делать и как от нее защититься. Хотя, опять же, Демьян не верил в сказки и волшебных существ. А вот Игорь, наоборот, во всем видел знаки, странности и прочее. И, возможно, именно под влиянием и запалом Игоря Демьян невольно поддавался его мистическому настрою.

Помолчав минуту-другую, Демьян сполз по стене вниз в кровать, но внезапно вздрогнул, опомнившись, а Игорь, заметив это, привстал с горящими глазами. Ночные страшилки продолжаются!

– О-о-о! Ты что-то вспомнил?

Демьян поспешил поделиться самой незначительной малостью, которая впервые появилась только этой ночью.

– Он говорил со мной.

Если бы не опущенные на половину лба кудри Игоря, можно было бы предположить, что его брови от удивления уползли на затылок.

– Говог'ил? Да ты что?

Игорь подсел ближе, а Демьян кивнул в подтверждение.

– Вернее, он сказал лишь одно.

– Ну же, что? Не томи!

Демьян прикусил губу, а Игорь нетерпеливо тарабанил пальцами по матрасу.

– Он сказал… убью тебя.

Немного погодя, Игорь отстранился и взглянул на стрелки настенных часов, уйдя в обеспокоенную задумчивость.

– Убьет? – спросил он непонятно у кого. У Демьяна, или вопрос был послан куда-то в темноту, туда, куда свет прикроватного ночника не доставал.

Ответа, разумеется, не последовало, ни от Демьяна, ни от темноты. Игорь собирался, как обычно, раздуть из мухи слона и тем самым продолжить ночные посиделки, но Демьян настойчиво сказал:

– Ладно. Я спать. Мне вставать рано.

Почувствовав, что ночные россказни зашли в тупик, Игорь обреченно лег в свою постель… Переубедить Демьяна, когда тот решил что-то делать, задача не из простых. И проще было сдаться, в случае Игоря - пойти спать. «К тому же продолжить обсуждать ужастики можно и на следующий день», ведь так? – подумал Игорь.

Братья улеглись в свои кровати и совсем скоро уснули, не заметив, что по ту сторону окна на них взирала чья-то морда.

Наступило утро, и Демьян, как говорится, с первым лучом солнца удалился из дома «по делам». А после его ухода день начался и для всех остальных членов семьи.

Дни на Котловской улице дома номер 17 всегда начинались одинаково весело и беззаботно. Мальчишки, пробуждаясь ото сна, кто охотно, а кто лениво, дружно заправляли постели, как и положено прилежным детям. Затем бежали в туалет и ванную и наводили там «красоту». Но сие дело не давалось мальчишкам быстро, а для некоторых утро частенько было досадным. Так и сейчас около двери в туалет по стене мучительно сползал один из семи сыновей Прокофия – худощавый и пучеглазый мальчишка в очках, который, зажав длиннющие руки в не менее длиннющих ногах, мучительно стонал.

– Чего, Олежка, опять воды напился на ночь? – с усмешкой спросил мученика Игорь, заняв очередь в уборную.

Олежка, изворачиваясь уже на полу, как уж на сковородке, протянул:

– Ой, мама родная… Постучите ему кто-нибудь!

Игорь с большим удовольствием выполнил просьбу несчастного и постучал в предательски закрытую перед братом дверь.

– Выходи! Сколько можно? – следом за стуком Игоря крикнул Олежка для большего эффекта.

Едва мольбы его были услышаны и дверь в туалет успела приоткрыться, как Олежка сквозняком просочился внутрь, вытолкнув в коридор угрюмого на вид мальчишку.

– Добг'рое утг'о, Степа! – протянул радостно Игорь, не сдерживая смех.

– Не доброе, – буркнул тот, и побрел темной удрученной массой по коридору назад в одну из детских комнат. Глядя ему вслед, Игорь нарисовал в воображении над головой Степы нахохлившуюся тучку, что не могло не вызвать у него еще один смешок.

Жизнь кипела в городской квартире на Котловской улице дома номер 17 не только около туалета с ванной, но и на кухне. Там, как говорится, мешаясь под ногами, с самого утра около Прокофия кружились двое пухлых и розовощеких близнецов, услужливо называвших его отцом. Близнецы прилагали усилия, чтобы помочь, но их помощь скорее была ему ни в

службу и ни в дружбу - все у них валилось из рук. Дело в том, что у близнецов косили глаза. У Вени влево, а у Лёни вверх, что второму, кстати, очень пригождалось для выражения своего недовольства всякий раз, когда он не без труда скрещивал руки на груди. Прокофий Иванович не находил важным ругать близнецов за неуклюжесть, тем более бывали дни, когда их глаза выравнивались. Ему нравилось их желание помогать по дому, а особенно с готовкой. Да и чего только стоили их радостные и довольные лица, когда Прокофий их благодарил.

Утро продолжалось завтраком, за которым все семейство садилось пить чай из блюдец, а бутерброды, сделанные сикось-накось, доставали из чашек. Близнецы, по традиции, нечаянно разливали чай.

– Ох, Венька, Ленька! Ой-ой, дайте приберу, – раздался добродушный старческий голос.

– Доброе утро, Настасья Павловна! – хором заголосили мальчишки, увидев вошедшую на кухню старушку. Та ласково ответила таким же пожеланием и принялась убирать разлитый чай со стола. Настасья Павловна была принята в семью «на службу» по доброй воле Прокофия десять лет тому назад, сразу после смерти его жены. Вместо жалования Прокофий предложил проживание со всеми удобствами, что ей было очень кстати в те времена. Несмотря на то, что Настасья Павловна на вид годилась Прокофию в матери, она к нему обращалась по имени-отчеству – Прокофий Иванович. Сама же она не уступала священнику по бодрости тела и ясности ума. И это была одна из нескольких причин, почему ей всецело доверили заправлять порядком в доме.

Убрав чай со стола, она поспешила повторно заварить его близнецам, но уже куда надо, и затем села за стол.

– Ах, снова мои любимые! Как я и люблю! – воскликнула радостно она, увидев, что сегодня бутерброды опять оказались у неё не на блюдце, а на дне кружки.

Прокофий окинул взглядом стол и заметил два пустых стула. Напротив одного на столе чая и бутербродов не было, и он знал, почему, как и все сидящие рядом. А вот наличие бутербродов напротив второго стула и отсутствие одного из членов семьи его взволновало.

– Дети, а где Демьян? – спросил наконец-таки Прокофий Иванович. Дети замерли и метнули друг на друга озадаченные взгляды. Словно мысленно совещаясь. Ответить отцу решился Игорь.

– Он сказал, что убежал по делам.

– По делам? По каким таким делам? – озадаченно поинтересовался Прокофий.

На мгновение у Игоря появилась мысль выгородить Демьяна, но он решил, что делать этого не будет. Игорь, как и остальные, был очень благодарен Прокофию. Ведь если бы не он, у них никогда бы не было отца и друг друга. Ну и потом, он не учил их лгать. Да и к тому же, на свое утешение Игорь не знал подробностей, а стало быть, раскрытия одного единственного факта будет достаточно.

– Он готовит сюг`пг`из для Егог`ки на день г`ождения, – ответил Игорь и подул на блюдце с чаем, убеждая себя в том, что поступил правильно.

– Вот оно что… – ухмыльнулся Прокофий. – А в больницу-то он придёт?

– Говог`ил, что да, – подтвердил Игорь.

– Интересно, что же он готовит там, а? – мечтательно протянула Настасья Павловна, старательно обсасывая своими деснами бутерброд.

– Думаю, он в подробности никого не посвящал. Таков хитрец. Наступит день – узнаем, - с улыбкой сказал Прокофий и взял своё блюдце с чаем, после чего всем пожелал приятного аппетита.

После завтрака, как было у них заведено, ребята убирали со стола и мыли посуду. А потом они любили играть в городки (если дел никаких не было). Когда погода позволяла, они делали это все вместе на улице, а когда нет – играли дома, в коридоре. Лучшим в этой игре был Демьян. Своё мастерство он наработал, коротая скуку первые семь лет, до того, как их

семья стала пополняться другими членами в лице мальчишек, взятых Прокофием из детского дома, которых удалось подсадить на эту игру.

Днём ребята делали домашние задания по школе и учили молитвы по личному требованию Прокофия. Молитв Демьян избегал. Он считал это дело слишком скучным, отчего получал каждый раз выговор от отца. В церкви они, разумеется, тоже бывали, где и оттачивали выученные писания, так же лицезрели не раз службы и причащения (в них они тоже участвовали). Самым ответственным был Олежка. Он имел привычку вписывать в блокнот всё, что видит и слышит.

Ну а вечерами они любили ходить в городскую баню все вместе. Это дело Прокофий с сыновьями практиковали нечасто. Там они хлестали друг друга вениками и распивали холодный квас. В другие же вечера, свободные от бани, мальчишки вместе с Прокофием и с Настасьей Павловной смотрели мультики или жарили блины. У Демьяна было ещё одно любимое занятие, которому он отдавался с большим энтузиазмом и всецело, - это загорание под солнцем. Возможно, многочасовые гуляния и стали причиной ранних веснушек по всему его телу.

Но в то утро у них были другие планы на день, без бань, мультиков и городков под солнцем. Они все вместе, кроме Настасьи Павловны, собирались в больницу к последнему по нашему знакомству, но не по важности из ребят - Егорке. Егорка был из тех, кому и кусок поролона давать опасно - ушибется. Так, в прошлом году он отморозил о мороженое язык, а полгода назад умудрился заработать спазм лицевой мышцы, из-за которого одна бровь уползла на самый лоб после того, как Егорка пытался научиться делать ими «домик». Ну а в этот раз в больницу его положили из-за весьма странного инцидента. Благодаря ему Егорка даже умудрился попасть на первую полосу в новостной газете и стать на время местной «знаменитостью». В заголовке было написано: «Восьмилетний мальчик сломал себе все кости, даже которых нет, упав в кучу гусиного пуха». В больнице же Егорку шуточно назвали «хрустальной мумией»: хрустальный, потому что очень хрупкий, а мумия - потому что все его тело было забинтовано и в гипсе.

Егорка очень любил апельсины и козье парное молоко. Поэтому, перед тем как навестить его в больнице, мальчишки, получив от Прокофия рубли, рассредоточились по городу в поиске этих двух важных для него вещей. С апельсинами проблем не было: их они купили быстро и сразу же отдали Прокофию, а вот с молоком всем пришлось попотеть.

Так, например, Олежка вместе со Степой обошли все ближайшие дворы и улицы, но ни в одном магазине парного козьего молока не было.

- Это вам не деревня, умники! - кричала одна из продавщиц сетевого магазина.

- Ясно… И тут нет, - со вздохом отвечал Олежка и вписывал это всё в блокнот, помечая каждый магазин и улицу, на которой они стояли.

– Олежка! Да сколько можно? – не сдержавшись, крикнул раздраженный поисками и скрипом ручки о блокнот Степа.

– Память не надежна, – ответил деловито тот и поправил очки на переносице. – Это,– Олежка демонстративно вытянул руку с блокнотом и помахал им перед лицом Степы, – лучший способ в случае чего освежить память!

Степа тяжко фыркнул и пошел дальше, в следующий магазин.

Не везло с поисками молока и Игорю с Прокофием (они искали порознь, но Прокофий вместе с близнецами). И хуже всех дело обстояло у близнецов. Они не то чтобы мало обошли магазинов, нет. Из-за своего косоглазия они кругами бегали вокруг одного и того же здания, вытянув перед собой руки и пытаясь нащупать нужную дверь, но вместо продуктового или молочного магазинов попадали в совершенно разные места, откуда их вытаскивал Прокофий, и что, собственно, и влияло на время.

Поиски молока длились по меньшей мере часа два. И все под палящим солнцем. Во всех частях города, от безысходности и усталости, у всех мальчишек в головах звучала одна и та

же фраза: «Демьян бы нашел точно». Но Демьян сейчас был занят другим. А так да. Он и из-под земли что хочешь достанет.

После нескольких часов изнурительных поисков все собрались в оговоренное время около больницы. Прокофий обвел взглядом ребят, затем взглянул на наручные часы и спросил:

– Где Демьян? Уже время, – он специально обратился именно к Игорю, полагая, что тот знал больше всех.

– Я не знаю, пап. Знаю, что готовит какой-то сюг`пг`из.

Прокофию не оставалось ничего, кроме как развести руками.

– Что ж. Ладно. Тогда пойдем без него.

– Егорка расстроится. Без него нельзя! – вступился за Демьяна Олежка.

– Боюсь, Егорка расстроится еще больше, если к нему вообще никто не придет. А если будем стоять ждать Демьяна, то так оно и будет, – холодно пробубнил Степа.

На самую малость всем показалось, будто воздух отяжелел.

– Мда… Тебе и впг`авду гг'озового облака над головой не хватает, – подколол Степу Игорь, а тот лишь фыркнул и демонстративно отвернулся.

– Ну всё, хватит, – поспешил прекратить препирания братьев Прокофий. – И вправду, ждать не будем. А то совсем не успеем.

Прокофий вошел в открытую для сквозняка дверь, над которой висела огромная синяя табличка «Отделение травматологии», и принялся надевать бахилы. Дети последовали его примеру, и все вместе они двинулись в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

В какой палате был Егорка они знали, так как хрустальная мумия здесь лежала уже больше месяца. Подойдя к двери, на которой красовался номер 20, Прокофий постучал костяшками пальцев, а затем, надавив на ручку, прошел внутрь.

– Здравствуй, сынок, – сладко и по-доброму поприветствовал Прокофий Егорку. Следом поприветствовали также и братья.

– Ох. Вы пришли! – воскликнул радостно тот**.** Своей позой в кровати загипсованный Егорка был похож на какую-то фигурку из конструктора, которой поиграли и бросили кое-как на пол.

– Нога не затекает? – поинтересовался в очередной раз Игорь, ткнув пальцем в подвешенную ногу Егорки.

– Нет, чешется только жутко, – пожаловался тот.

Мальчишки начали бурно беседовать, шутить, и Прокофий не хотел мешать сыновьям. Он молча стоял в стороне, чистил апельсины и иногда посмеивался над забавными шутками ребят.

– Дети, держите, – Прокофий протянул дольки каждому из сыновей, а Егорке лично дал в рот.

– А Демьян скоро придет? – спросил наконец-таки Егорка, дождавшись паузы в обильном общении братьев.

– Нет, Егор. Демьян запаздывает, – огорченно ответил Прокофий, и Егорка тут же поник. Но он постарался найти в себе силы не показывать этого и вместо слез и надутых губ он заявил, улыбаясь:

– Ну и не страшно! Все равно меня скоро выпишут!

Бодрый настрой Егорки поддержали братья, и в награду, так сказать, всучили ему еще один апельсин.

Коллективный смех и семейную идиллию нарушил внезапно неистовый шум за окном. Звуки сочились из него самые разные: собачий лай, гневные возгласы людей в унисон завывающим сигналам автомобилей, и… блеяние коз? Шум нарастал, словно снежок, катящийся вниз по склону, превращаясь в огромный снежный шар, становясь все ближе и ближе.

– Что это? – озадачились близнецы, и, не зная, куда им глазеть, решили смотреть в стену.

Олежка тут же начал конспектировать, перелистнув страницу своего блокнота.

– Не знаю… – вдумчиво сказал Прокофий, и вместе с остальными подошёл к окну палаты, выходящему на улицу.

– Ну? Ну, что там? Что? – нетерпеливо ворочался в своем гипсовом коконе Егорка и всячески пытался заглянуть поверх голов остальных.

– Пока ничего, – ответил один из близнецов, Лёня, упершись в стену, чуть левее от окна. Безнадежно закатив глаза кверху, Степа взял Леню за локоть и подтянул к себе, чтобы тот хотя бы в окно глазел.

Прокофий прищурился и постарался сосредоточиться на небольшой фигуре вдалеке. Фигура бежала по тротуарам, перепрыгивала придорожные ограждения и удало скользила по капотам резко тормозящих перед ней автомобилей. Автомобили друг за другом теряли управление и въезжали в светофоры, столбы и заборы. Подушки безопасности, словно попкорн в микроволновой печи, взрывались в рулях. Водители, с трудом выползающие из-под руля дымящихся от аварии машин, судорожно вопили зачинщику вслед.

Фигура оказалась светловолосым мальчуганом. Увидев это, Прокофий обомлел.

– Боже правый… - тихо сказал он и промокнул платком вспотевший лоб, не отводя взгляда от беглеца.

Следом за ним, за мальчуганом, по пятам, стараясь схватить за пятки, мчалась свора охотничьих собак. Правда, они все были старые, хромые, одним словом – убогие, на вид вот-вот готовые помереть. А за ними, рассекая по капотам и крышам машин, неслись сломя голову козы. Что-то им было нужно. Ну а в самом конце мчался на последнем издыхании толстенький мужичек в соломенной шляпе, он судорожно размахивал палкой и едва стоял на ногах.

Мальчуган выбил собой кованые ворота больницы и забежал на её территорию.

– Нет… Только не сюда. – Простонал Прокофий.

Но мальчишка уверенно мчался ко входу в отделение травматологии. Навстречу ему из главного входа вышел уже здоровый пациент. Он, вскинув радостно руки вверх, крикнул:

– Ура! Я снова могу ходить! – и, смеясь, покрутил суставом бедра и широкой походкой двинулся вперед.

Увидев несущегося на него мальчишку, выздоровевший дядька замер как вкопанный. Мальчуган промчался мимо него, закрутив вихрем, а собаки затем свалили того с ног. Добили его новый сустав и ногу с десяток козлиных копыт, что промчались по нему, как по горам Кавказа.

– Будьте здесь, - сказал Прокофий и незамедлительно спустился на первый этаж.

Вбежавший мальчуган и там сбил с ног пациентов. Одна закрутилась-завертелась на костылях, другой перевернулся через лавку, а бабушка на коляске с переломанной ногой и вовсе улетела вниз по лестнице на цокольный этаж и, выбив собой дверь черного входа, скрылась во внутреннем дворике больницы.

Последней жертвой хаоса стал Прокофий. Мальчуган, словно не замечая никого, проскочил по лестнице мимо него на второй этаж, а Прокофий от неистовой силы удара стаи собак подлетел вверх, к потолку.

Упав на ступени и, похоже, повредив копчик, Прокофий во всю грудь горячо выкрикнул:

– Демьян!

Демьян тем времен забежал в палату к Егорке и закрыл за собой дверь. Собаки стали рассекать по второму этажу, вынюхивая его. А козы, блея от безделья, рассредоточились по всему отделению травматологии и начали жевать пациентам гипсы и костыли.

– Демьян! - радостно и восхищено заголосили братья. А в особенности засиял Егорка, увидев его.

– Ты успел! Ты успел, Демьян! Привет! – верещал он от счастья.

– Привет, Егорка, – улыбнулся Демьян младшему брату в гипсе и, потеряв силы, свалился на пол.

– Вот это ты натвог'рил делов! – изумленно протянул Игорь, выпучив глаза и склонившись над ним.

Ребята, конечно, были в шоке от данного представления, и даже представить себе не могли, каким рассерженным сюда скоро явится их отец. Но они не могли не восхититься такому безрассудству. Возможно, потому что им хотелось так же подурачиться где-то, не сдерживать себя, но в отличии от Демьяна им бы вряд ли это так легко сходило с рук. Ведь они Прокофию не родные, и как бы Прокофий не заверял их в обратном, они все равно во многом сдерживали себя.

– Мда… Ничего хорошего не вижу… – тяжко протянул Степа, опершись спиной о стену.

– Ну, ты как всегда, – добавил Олежка и выделил цветным фломастером заголовок у себя в блокноте: «Козлиный переполох».

– Демьян? – взволнованно спросил Егорка, стараясь разглядеть, что там на полу. Но из-за скованной гипсом шеи он не видел ничего, что было ниже подоконника.

– Все хорошо. Я тут, – тихо утешил брата Демьян, лежа на полу с высунутым изо рта на бок языком. Демьян был мокрым насквозь и внешне был похож на половую тряпку. Однако нашел в себе силы швырнуть свой рюкзак под больничную койку Егорки. Сумка проскользнула туда со стеклянным звоном.

Тем временем, внизу творилось что-то несусветное. На первый этаж сбежались все врачи и охрана, поднялся такой шум, что и глухой бы оглох снова. Больше всех, надрывая горло, орал тот самый мужичок в соломенной шляпе:

– Где этот, очумелый? А? Куда он делся?

На крик хозяина явились гавкающие псы. Коз же собирал по всем этажам оставшийся медицинский персонал.

Прокофий еле встал со ступеней и хрустнул позвоночником. Скорчившись от боли, он вышел в холл первого этажа, держась за поясницу.

– Что на этот раз случилось, Кузьма?

Увидев Прокофия, мужичек со злорадным видом засиял.

– Ааа… – протянул он. –Прокофий, ты тоже тут? Отлично!

Кузьма сделал глубокий вдох и сжал в своей руке черенок, пустившись в объяснения, не скупясь на ругательства.

–Твой сын! Мерзкий паршивец!

Прокофий подошел к Кузьме и жестом руки призывал к молчанию, дабы не краснеть еще больше. Ведь сюда ему еще как минимум неделю ходить к Егорке.

–Прошу, давай не здесь. Выйдем? – попросил Прокофий.

Уйти от позора и десятка чужих глаз Прокофию не удалось. Кузьма вскипел пуще прежнего.

– Что? Стыдно, Прокофий? А вот нет! Пущай все смотрят и слышат! – Кузьма нарочито стал говорить громко, показушно, словно зазывал народ на площади. – Вы посмотрите, граждане, на этого человека! Казалось бы, законно послушный гражданин и отец. Но нет! Это никудышный отец! Который не в силах приструнить свое чадо, – Кузьма сделал шаг на Прокофия и нахохлился. – На кой черт тогда заводил детей, коль управиться не можешь, а?

– Не поминай черта, Кузьма, – сухо посоветовал Прокофий. Кузьма брезгливо отмахнулся в ответ и продолжил.

– И мальчишка, негодник такой, что устроил весь этот беспорядок! – он специально сделал паузу и театрально выпалил. – Коз моих доил!

Все в больнице ахнули, а козы в подтверждение издали что-то вроде «да», на козлином, разумеется.

Глядя на то, как Кузьма каждому из сочувствующих ему и его козам людей наигранно кланяется, Прокофий схватился за переносицу.

Далее к больнице сбежались гневные автомобилисты, чьи машины были теперь, мягко говоря, не в лучшем виде, и стали выяснять, что да как. Кузьма кричал на них, а те на него. Но совсем скоро Кузьме удалось перебросить пламя ненависти со своих коз на Демьяна. И теперь толпа автомобилистов требовала от Прокофия возмещения ущерба в ближайшие сроки и с надбавкой за моральный вред.

Прокофий же боялся представить, сколько ему придётся выплатить за разбитые машины этим людям.

Утихомирить всех или выпроводить отсюда вон у главврача больницы не получилось. После долгих попыток он сдался, заткнул себе уши пальцами и скрылся в кабинете, не дождавшись приезда гаишников и полицейских.

Которые, к удивлению, явились невероятно скоро.

Прокофий смиренно молчал и отвечал тогда, когда его спрашивали. Весь кошмар в красках передали гаишникам автомобилисты, а полицейским – сам Кузьма. Дело даже дошло до того, что перебинтованные бабульки стали поддакивать Кузьме, опираясь на свои костыли. Наверно, надеялись урвать баночку парного молока бесплатно. И если бы Прокофий не вставил свое слово, то Демьяну бы приписали еще сотню других обвинений вселенского масштаба.

–Так это все ваш сын устроил? – спросил один из полицейских.

Прокофий кивнул.

– Что же вы… А еще батюшка, – упрекнул Прокофия человек в форме, и тому стало как никогда стыдно.

– Ладно. Мне надо допросить всех, – полицейский, чиркнув ручкой, стал опрашивать и пострадавших, и свидетелей.

В процессе он даже не заметил, как помимо людей допросил свору собак и пару-тройку коз. Которые блеяли ему в красках, а тот лишь понимающе кивал и записывал все в свой планшет.

– Ну, ясно, – сказал главный полицейский. – Значит, воровство? Украли бутылочку молока?

Одна из коз громко и возмущенно заблеяла. Видимо та, которую и подоили. Полицейский обернулся на нее и поправился.

– Да, да. Спасибо. Бутылочку *парного* молока!

Коза удовлетворительно кивнула и в спокойствии зажевала ухо стоящей рядом псине.

– Мой сын ни за что бы не стал воровать! – выпалил в сердцах Прокофий.

– Насколько хорошо вы знаете своего сына? - спросил полицейский так, между делом. Прокофий задумался.

– Во-о-т, - протянул служитель порядка. – Любовь отца слепа. По себе знаю, – полицейский по-доброму кивнул Прокофию. – Но не переживайте. Разберёмся, – и он двинулся наверх, на второй этаж.

А в палате тем временем Демьян смиренно ожидал как полицейских, так и отца. И когда те явились, Демьян встал на ноги, а братья же, завидев словно раскрашенное красной гуашью лицо Прокофия, отошли к стене и вжали головы в плечи.

– Ты, значит, зачинщик? – спросил страж порядка, глядя на измученного Демьяна.

– Да! Он! Арестуйте его! – начал требовательно кричать Кузьма.

– Уймитесь, гражданин! – заявил второй полицейский. – Рано об аресте говорить.

– Как рано? - возмутился Кузьма. – Он вор! Воров сажают в тюрьмы.

– Доказать бы еще надо, что своровал.

– Я ничего не крал, – заверил уверенно Демьян. Пастух от этих слов взбесился.

Прокофий продолжал стоять в стороне и молчать. Он знал, что совсем скоро он позволит себе выговориться, отчитать Демьяна как следует. А пока берег силы.

– Проверьте его рюкзак! Ну же! – не переставал настаивать пастух. Он теребил полицейского за погоны и махал рукой в сторону Демьяна. – Этот паразит - вор! Рюкзак! – Кузьма схватил Демьяна за шиворот и тряхнул как следует. – Где твой рюкзак, а?

За такое вольное поведение Кузьме тут же прилетело от полицейских. Не оценил подобное и Прокофий. Пастух отступил от Демьяна и стал скрежетать зубами в такт пишущей ручке Олежки. Олежка словно не дышал, продолжал все записывать в блокнот. Такого материала у него сроду не было.

– Где ваш портфель, молодой человек, покажете? – наконец-то попросил страж порядка то, чего так хотел пастух. И Кузьма, почуяв, как кара приближается к Демьяну, потер в предвкушении руки.

– Вот оно! Ну? Чего стоишь?

Демьян молча бросился под кровать и достал звенящий стеклом рюкзак.

– Вот, – Демьян так запросто протянул свою вещицу полицейскому, словно она принадлежала не ему, а кому-то другому. Тот взял его, открыл и опустил руку внутрь. Кузьма довольно улыбался, глядя Демьяну в глаза. Вот-вот из сумки покажется улика. Все взгляды были сосредоточены на ней. Коснувшись чего-то в сумке, рука медленно стала подниматься вверх, доставая то, что лежало на дне.

– *Это* ваше молоко? – спросил с нажимом на первое слово полицейский, вскинув бровь. Кузьма, как и Прокофий, прищурились.

– Я же говорил. Я ничего не крал… – спокойно заверил Демьян и улыбнулся Кузьме. Того словно вилами раскаленными ударили. Он взвизгнул и выхватил рюкзак из рук полицейского. Чуть ли не уйдя туда с головой, Кузьма шипел от злости.

– Нет! Нет! Не может быть! Я же видел! – пастух беспорядочно рыскал в рюкзаке руками, упав на колени. – Говори, подлец! Куда ты его дел? – он накинулся на Демьяна, но его тут же оттащили.

– Гражданин! Уймитесь! Иначе арестуем вас.

– Нет! Вы не поняли! Он лжет! Молоко где-то здесь! Он его выпил! – Кузьма нервно бросался от одного полицейского к другому. Затем обернулся опять на предмет своего недовольства. – Да? Я прав? Ты его выпил?

– Я ничего не крал. И не пил. И, между прочим, это ваши собаки покусали мне пятки. У меня куда больший ущерб, чем у вас, – сказал спокойно Демьян.

– Так у вас побои? О, как интересно, – протянул второй полицейский. А Кузьма с опаской прикусил губу:

– Что? О чем вы?

– Молока краденного нет. А укусы от собак есть. Почему псы, да еще и охотничьи, без намордников и свободно разгуливают?

Кузьма обомлел. Прокофий кротко ухмыльнулся, а Демьян продолжал напирать на пастуха.

– Да. Знаете как больно! Вот, – Демьян показал одну из своих натертых пяток.

– Ну, всё ясно. Пройдемте, гражданин, для оформления, – стражи порядка покинули палату, а за ними тревожно замельтешил Кузьма.

– Будьте здесь. Особенно ты, – указав на Демьяна, сказал холодно Прокофий и ушел следом, закрыв за собой дверь.

Что творилось за дверью, уже никто не знал. Но совсем скоро Прокофий решил проблемы с Кузьмой. Самому Кузьме выписали штраф, и вся ответственность за капоты легла на него. Его возмущению и злости не было предела. Он полыхал огнем, а изо рта шматками падала пена.

Прокофию тоже приписали пару-тройку нарушений, но их он смиренно принял и пообещал полицейским провести беседу с Демьяном.

Демьян тем временем сидел на койке у Егорки и беседовал с ним. А после невзначай спросил:

– Тебе-то хоть понравилось?

Егорка, как всегда, расплылся в довольной улыбке и подтвердил:

– Ага! Спасибо большое!

– Ловко ты успел пг'ридумать, - заявил Игорь. – Если б не успел помыть бутылку – была б беда!

– Ага. Ловко будет сегодня вечером Егорке. И вот это точно будет беда, – сказал снова пессимистичный Степа.

Братья вопросительно вскинули брови, взглянув на него. Он устало закатил глаза и пояснил:

– Ох… Апельсины! Егорка наелся апельсинов, а затем выпил твое молоко, Демьян!

Губы у всех сжались в трубочку. Всем было известно, что случается после молока и апельсинов. Между братьями назревал спор, как решить будущую проблему, но в палату заявился Прокофий. Так зол он никогда не был. Братья одной шеренгой встали невольно к стене и прикусили языки. Егорка попытался спрятаться в гипсе, как улитка, но поняв, что это невозможно, закрыл глаза. Демьян же встал перед оцтом, словно собирался прыгать с обрыва.

– Демьян, – начал Прокофий сквозь зубы, не замечая никого, кроме него.

– Привет, пап, – ответил Демьян виновато.

– Умоляю, скажи, что была причина такому… Такому… – Прокофий тяжко зажмурился, подбирая слово. – Я… Я даже… Я не знаю, что и сказать, – вдруг сказал он, потеряно и тихо, и опустил глаза долу. Злость в голосе ушла куда-то, и от того стало еще хуже. Теперь в его уже холодном тоне слышалось… разочарование?

Демьян покраснел. Олежка медленно, стараясь не привлекать внимания, выводил буквы в блокноте. И все же шуршание бумаги слышалось. Дописав на данный момент последнее слово, Олежка поставил точку, и шум ручки стих.

– Ты крал молоко? – задал вопрос Прокофий.

Демьяну очень хотелось сказать «нет», но он, не найдя в себе силы соврать и тем более признаться, молчал. Прокофий понял всё как есть и безнадежно покачал головой. У Демьяна кольнуло в груди от подобного жеста.

– Он обманул меня! Мы договаривались! – Демьян пустился в объяснения, не сдерживая слез. – Он обещал бутылочку молока, если я уберусь в его сарае и наколю дров для бани. Но он солгал! Сказал убираться! - Демьян всхлипнул и вытер рукой глаза.

Если бы это молоко было не для Егорки, Демьян, конечно, не пошел бы на такой поступок. Но он знал, как младший брат любил им лакомиться. А от слез стало вдвойне тошно. Он никогда не позволял себе плакать перед другими. Но разочарованный как никогда взгляд отца его изводил. Он не хотел, чтобы Прокофий считал его преступником.

Что же касается Кузьмы, тот жил на отшибе города в частном секторе, где некоторые держали какое-никакое хозяйство. У кого куры, свиньи, а у кого, как у Кузьмы, например, козы. Кузьма был человеком вредным, ненадежным. И все же, Прокофий остался при своем. Что воровать даже в таком случае - грех.

– Прости меня, пап. Я просто… – продолжил Демьян, и вновь зазвучала ручка.

– Что с тобой, Демьян? – внезапно перебил сына Прокофий, заглянув в его глаза. – Что с тобой не так, скажи мне, сын? – ручка зашуршала активнее.

Степа дотронулся до штанины брата и выпучил глаза, намекая убрать блокнот. Олежка в ответ покачал головой и, облизав палец, демонстративно перелистнул страницу.

– Пап! Я не хотел! Я просто… Я просто... – Демьян стал теряться в словах, он не знал, что ему говорить. Да и что говорить? Он уже все сказал. И потому, взглянув на братьев, Демьян замолчал. Отец же уткнулся лицом в ладони и сел на койку для посетителей.

– Мда… – с горечью пробубнил Прокофий. Затем, мучительно потирая лицо ладонью, сказал: – И это ведь не первый раз, когда ты вытворяешь подобное! Точнее, подобное впервые, но, – обернувшись на Демьяна, он продолжил, повышая тон. – Сколько еще придется мне за тебя краснеть? – с каждой фразой его голос дрожал, и в нем чувствовалась обида. – Неужели мне придется смириться с мыслью, что соседи правы? Что из тебя ничего путного не выйдет?

Олежка шокировано распахнул глаза и рот.

– Вот это новость, – прошептал сквозь зубы он и принялся вписывать в блокнот. Эти слова он нанес на бумагу не как другие, а вдумчиво и чуть сильнее нажимая на ручку.

Сгорая от стыда, Демьян сделал пару шагов в сторону отца. Тот, взглянув сначала на его лицо, а затем на шею, вскинул брови и потеряно спросил:

– Где твой крест?

Братья одновременно вытянули шеи и прищурились, ища глазами крестик на груди Демьяна. Мальчик же вдумчиво хлопнул по ней, но креста рукой так и не нащупал.

– Потерял... – с досадой и с видом проигравшего признался Демьян, опустив с груди руку.

Олежка торопливо перелистнул страницу.

– Это уже какой? – сквозь зубы тихо спросил Прокофий.

– Шестой...

Отец, покачиваясь на скамье, отвернулся от сына и мучительно стащил с себя головной убор. Он метнул взгляд на каждого из своих ребят. Те, заметив это, невольно хлопнули себя по груди, проверяя присутствие своих крестиков.

– Олег? – позвал Прокофий, и тот выпрямился, убрав на время блокнот и ручку за спину.

– Да, отец?

– Сколько раз ты терял свой крест?

– Ни разу, – неуверенно ответил Олежка. Но не потому, что не помнил. А потому, что не хотел делать ситуацию хуже. Не хотел, чтобы Демьян ещё больше чувствовал себя виноватым или каким-то не таким, плохим.

– Вениамин, Леонид?

Близнецы ответили аналогичным образом. И оставшиеся ребята так же робко подтвердили, что никогда не теряли. Прокофий Иванович, собрав все ответы, покивал головой. Радовался он или огорчился – было непонятно.

Он взглянул на Демьяна с укоризной и спросил:

– Ну вот что с тобой не так, а? – Прокофий вопрошающее посмотрел на первенца, а затем отвернулся, пустившись в рассуждения.

– Молитвы ты не учишь, а те, что знал, забываешь, путаешь! Демьян, – отец не сразу повернул голову к сыну. – Ты словно... не мой, – неуверенным голосом прошептал он, затем встряхнул головой, стараясь выгнать эту глупую мысль. Демьян пошатнулся. Пытаясь не терять самообладания, отец сказал в завершение:

– Вот Христос тебя и покинул. На этот раз воровство, - Прокофий встал и подошел к двери. – Найди крест! Сегодня же! Ясно тебе?

Демьян кивнул, и Прокофий вышел из палаты, хлопнув дверью. А Олежка блокнотом, поставив точку. После чего в палате под номером 20 воцарилась тишина.

Прокофий пошел, по всей видимости, улаживать дела и с главврачом. Братья же, после минуты-другой, выдохнули и подошли к Демьяну.

– Ну? Что будешь делать? – растерянно поинтересовались они, разинув рты.

– Отца не слышали? Крест искать. Что же еще? – буркнул он, направляясь к двери. – Правда, черт знает, где я его потерял… - сказал Демьян открывая дверь, не подозревая о том,

что этой ночью он поймет, насколько сейчас он был прав. И насколько был близок тот, кого он только что сейчас помянул по глупости.

Глава 3. Поиск Христа

Прежде чем Демьян покинул больницу, он помог медперсоналу навести какой-никакой порядок на её первом и втором этажах. А после вышел на улицу, где на ступенях отделения травматологии он остановился и в задумчивости почесал затылок. Демьян не знал, куда ему идти и где искать свою потерю. По правде говоря, креста на своей шее, судя по воспоминаниям, он не ощущал еще вчера, и потому не знал, с какой части города ему начинать поиски. Однако на его спасение последние пару дней зона гуляний не претерпела значительных изменений, не считая участка пастуха Кузьмы. А это значило, что Демьян примерно понимал, где мог бы быть его крест. И потому он двинулся от дверей травматологии к лесному массиву.

Прокофий же в это время уладил остаток дел, простился с Егоркой и вместе с остальными ребятами отправился домой. Времени на это ушло больше, чем ожидалось, и поэтому возвращались домой они практически на закате. По приходу в квартиру их ждал приготовленный Настасьей Павловной ужин и свежезаваренный чай. Как ожидали мальчишки, Прокофий Иванович провел воспитательную беседу и с ними, усаживаясь за почти накрытый стол. Он еще раз заострил свое внимание на неподобающем поступке Демьяна и наложил себе в тарелку порцию вареников со сметаной. Настасья Павловна же от услышанного покраснела и поникла, хотя встречала семейство с улыбкой. Она, стыдливо склонив голову, помогала близнецам с их порциями.

– Демьян к ужину не поспеет? – робко уточнила она у Прокофия, и тот ответил, что, возможно, уже нет.

Настасья Павловна села за стол и в её тарелке оказалась пара-тройка вареников. Ужин прошел в тишине, как и уборка со стола. Прокофий уединился в своей спальне и погрузился в раздумья, заверив сыновей, что долго не задержится. Ведь он пообещал с ними сыграть в городки.

Игра началась без него, и во время финала Прокофий вызвал к себе второго чемпиона после Демьяна, того, с кем Демьян делил свою комнату помимо Егорки - Игоря.

Игорь отличался своеобразной любовью к рассказам (в отличии от Олежки, он не вел дневник) и, возможно, он что-то да знал. А именно, Прокофия интересовало, где сейчас шатается старший из его сыновей.

–Да, пап? – Игорь закрыл за собой дверь, зайдя к нему.

– Где Демьян? – спросил Прокофий, а Игорь в ответ сморщил лоб.

– Эм…Ну… Кг’естик ищет? Ты же сам его отпг’авил.

Прокофий кивнул в подтверждение.

– Это понятно. Я имею в виду, где он его ищет? Тебе известно это? Уже ночь близится, - Прокофий обеспокоено указал в сторону окна. Дело было в том, что давным-давно Прокофий установил для всех одно простое правило - не шататься по ночам и после захода солнца на улице. Страх Прокофия никто из детей не понимал, но у него были причины не испытывать судьбу и не дразнить тех, кому она принадлежала.

Однако за все 12 лет после встречи с Григором он никого или ничего не встречал. Но сейчас он просто боялся, как и любой другой родитель, за ребенка. Который непонятно где блуждал в поздние часы. Да, Прокофий наказал найти крест, но возвращение домой прежде, чем зайдет солнце, было само собой разумеющимся, не требующим напоминания об этом, что бы ни говорил Прокофий даже в сердцах. И зная характер Демьяна, он мог не вернуться домой до тех пор, пока не выполнит наказанное. А вся ситуация с больницей и огорченные глаза отца добавляли к его упертости еще больший груз. И, зная это, Прокофий, разумеется, не мог со спокойной душой отойти ко сну.

– Вг'оде бы… - Игорь осекся. Выдавать Демьяна или нет? Ведь он же там готовит сюрприз. Но решив, что сюрприз, если что, Прокофий Егорке не выдаст, все же сказал:

– В лесу.

Физиономия Прокофия вытянулась, как мокрый носок на вешалке.

– Где? В лесу?

Игорь кивнул, и Прокофий нахмурился. Зная, что следующее спросит отец, Игорь добавил:

– На окг'аине готовит сюрприз для Егорки.

Прокофий почесал затылок.

– Мда…

Внешне отец был спокоен, но внутри ровно наоборот. Он мигом оделся, и то же самое велел и детям, объявляя, что они идут на поиски.

– Знаешь, куда идти? – спросил Прокофий Игоря, когда все, вооружившись фонариками, вышли из дома.

– Пг'имег'но, – ответил рыжеволосый сын, не лукавя, и поисковый отряд Прокофия двинулся к лесному массиву на окраине города.

Демьян же за это время, что он заглядывал под каждый куст, уже успел встретить сумерки и теперь встречал нетерпеливую ночь. А крестик все еще не был найден. Тогда Демьян ступил на знакомую и успевшую стать за пару недель приготовления сюрприза для Егорки родной тропу и прибавил шаг. Осталось всего одно место, дающее надежду - зона того самого сюрприза.

Зайдя по этой тропе глубже в лес, он продолжал вдумчиво разгребать ногами опавшие с елок иголки и листья по пути к нему. Но совсем скоро шаги его стали неуверенными, и причиной тому было не осознание, что крестик ему не найти вовек, а то, что лес уже не казался ему таким дружелюбным.

С каждый минутой искать становилось все труднее. Ночь бескомпромиссно падала на весь город и лес плотным одеялом. И затем Демьян, к своему несчастию, обнаружил, что без фонарика ему уже не обойтись. Но фонарика у него не было. Тогда он решил осмотреться и понял, что ветви и деревья, что окружали его в столь поздний час, действительно были ему незнакомы. Демьян продвинулся на несколько шагов вперед, разглядывая все, что можно, после чего с полной уверенностью заявил себе, что здесь, в этой части леса, он никогда не был. Он заблудился.

Демьян уже хотел было развернуться и начать искать нужную тропу из леса, как вдруг что-то маняще сверкнуло вдали, завладев его вниманием.

Увидев загадочный блеск, Демьян почувствовал поспешную и наивную радость в груди. Возможно, его поиски вот-вот завершатся успехом. Он незамедлительно двинулся вглубь леса, даже не думая о том, с чего бы там быть его крестику. Но надежда на быстрое искупление перед отцом была сильнее.

Приблизившись к тому месту, Демьян почувствовал, как мимо него что-то проскользнуло, зацепив собой ветки. Что-то большое, темное и волосатое. На кабана или медведя похоже это не было, слишком плавно оно передвигалось. Поначалу невиданный зверь отпугнул Демьяна и вызвал желание убежать прочь. Но едва он развернулся на пятках, в груди у него что-то защекотало. Это было любопытство, взявшее верх над инстинктом самосохранения, и, поддавшись ему, Демьян сделал еще пару шагов вглубь. Ища глазами под ногами крест или то, что ранее играючи сверкнуло, Демьян вновь заметил, как за дерево кто-то метнулся. Длинный хвост, заигрывая, манил Демьяна к себе. Демьян сощурился и взглянул на толстые корни дерева, за которым скрылось существо, и, не веря своим глазам, сказал:

– Не может быть…

На корнях дерева лежал его крестик. Долго не раздумывая, Демьян кинулся к нему, но тот с легким лязгом отлетел прочь. Теперь он висел на коряге, покрытой мхом. Демьян кинулся и к ней, но и в этот раз пропажа ускользнула из его рук. Затем Демьян стал приближаться к лежащему на земле крестику на цыпочках, осторожно. Но и в этом он не сыскал успеха. Крест, дразня, медленно полз по земле, временами прячась под опавшими иголками и сухими листьями. Демьян остановился, сам не зная, зачем, провожая взором отползающий от него все дальше и дальше в темноту крест. Затем крестик пополз вверх по стволу уже мертвого дерева и скрылся за ним.

Темнота давила на глаза. Демьян перестал различать очертания леса. Раздался легкий лязг, и крестик появился вновь. Теперь он на чем-то висел и безбожно покачивался.

– Ближе… Ближе… – раздалось тихое, убаюкивающее шипение из ниоткуда. Демьян осмотрелся по сторонам, прислушиваясь, но счёл таинственный шепот за шелест листьев.

– Подойди ближе… – снова прошипел кто-то.

Демьян, поддавшись голосу, сделал шаг к дереву, не отводя взгляда от плавно покачивающегося креста. Сук, на котором он висел, медленно расплывался перед глазами. Умом Демьян понимал, что приближаться не стоит, но ноги предательски вели его вперед под неизвестный шепот. А в голове засела мысль, что где-то он уже это видел.

Из-за ствола медленно показалось какое-то невнятное пятно. Увидев это, Демьян нашел в себе силы остановиться, или же ему позволили это сделать. А затем, отступив, он заметил, что пятно вновь скрылось за стволом. Демьян сглотнул появившийся в горле ком и, охваченный тревогой, неуверенно сделал пару шагов в сторону.

То, что стояло за деревом, показалось чуточку лучше. Оно издавало глубокие гортанные звуки. Словно топор оббивал полено тыльной стороной. Демьян протер глаза, и пятно приобрело очертания. Высокое, несуразное, волосатое, с рогами. Силуэт ему казался более чем знакомым. Из темноты на Демьяна глазели два желтых козлиных зрачка. Существо довольно посмеивалось.

– Бери же его… Или ты хочешь… огорчить своего… отца? – крестик вновь сверкнул, напоминая Демьяну о проступке, и тогда он вспомнил. Сон!

– Боже… – сорвалось с губ Демьяна, и он, волей-неволей, поднял руку, чтобы перекреститься, но тут же свалился на землю, так как стоящая за деревом тварь сделала в его сторону резкий выпад, стараясь вцепиться когтями в горло.

– Не смей! – взвыла она. А потом, увидев, как Демьян с опаской начал отползать, вновь убаюкивающе зашептала. - Прости меня, дитя… Ну же… Подойди.

– Нет уж, – возразил Демьян, покачав головой. – Черт меня побери, – добавил он, не подумав.

После этих слов тишина обрушилась на весь лес.

И тварь, замершая, как статуя, умолкла. Казалось, что этими словами Демьян прогнал от себя беду. Но всё было куда печальнее…

– Я уж думал, не попросишь, – довольно прошептал зверь, прервав гробовую тишину.

Земля под Демьяном вмиг стала мерзлой, несмотря на то, что сейчас царствовал июль. Даже для ночи это было слишком холодно. Демьян поджал скованные внезапной стужей пальцы. А воздух пропитался зловонным запахом серы, отчего Демьян стал задыхаться и терять сознание. Затем из-за дерева показалась волосатая нога с торчащими назад коленками, и раздвоенное копыто ступило на землю, разломав под собою ветки. Да! Это был он, тот самый из кошмара, что мучил его все эти ночи. Но Демьян до этой встречи считал его игрой воображения. Сейчас же, увидев это, он думал совсем иначе. Демьян попытался вскрикнуть, но из раскрытого рта не вылетело ни звука. Любые попытки встать и убежать сопровождались невероятной тяжестью. Демьяну казалось, что все его тело в мгновение ока налилось свин-

цом, отчего и пальцем было трудно пошевелить. Все плыло перед глазами, земля тянула спину Демьяна к себе.

Следом за копытной уродливой ногой показались и вспыхнувшие, словно раскаленные в печи угли, глаза. Увидев их, Демьян уперся локтями в землю и начал активно моргать, стараясь согнать увиденное. Нечисть наступала, вдавливая копыта в землю. Демьян зажмурился и приложил усилие, чтобы вспомнить хоть одну из молитв, но, к его несчастью, отец был прав. Все, что когда-то учил, Демьян забыл. Видимо, этим тварь не из этого мира и решила воспользоваться. Она не спешила, будто зная, что Демьян не в силах ей чем-то ответить. И потому продолжала терзать его.

– Глупое дитя, – прошипело оно. – Само пригласило меня… К столу… – чудище облизнулось и распахнуло пасть.

– Демьян! - раздался отдалённый крик. Нечисть сомкнула челюсти, вздрогнув, и с шипением повернула голову на шум. Демьян попытался привстать на локтях и позвать на помощь. Но слова всё еще терялись где-то в груди. Голоса людей эхом разлетались по лесу. Демьян видел и лучи ищущих его фонарей. Но, к его несчастью, они не были направлены в его сторону. И Демьяном овладел липкий страх. Что возможность на спасение, которая была сейчас как никогда близко, могла безвозвратно утонуть в тенях этого проклятого леса.

Вскоре надежда на спасение вспыхнула и за его спиной. Позади Демьяна свет худо-бедно осветил то, что было перед ним. И то, что было, проворно сгинуло с глаз долой, не оставив в памяти четкого образа. Только в ушах звенело отдаленное: «Не пробужденный».

– Демьян! Что с тобой? – раздался голос Игоря, подбежавшего к нему.

Демьян обернулся и поймал себя на мысли, что тело его вновь легкое и подчиняется ему, как и прежде.

– Ночь на двог'е! Мы тебя везде ищем! – обеспокоенно воскликнул брат, а затем, будто опомнившись, закричал во все горло, размахивая кому-то фонариком. – Мы здесь! Я нашел его!

Демьян схватил руку брата, что держала фонарик, и направил свет от себя туда, где был зверь.

– Ты чего? – растерявшись, спросил Игорь.

Освещенная фонарем Игоря местность ничем необычным не могла похвастаться. Разве что сухим деревом, что стояло перед Демьяном. Демьян начал крутить рукой брата и внимательно всматриваться туда, куда падал свет. А Игорь каждый раз вздрагивал.

– Ай, ой. Демьян, что ты…Ай, да что ты делаешь?

– Он здесь! Тот, что из кошмара! - завопил Демьян, схватившись за плечи Игоря. – Я видел его! Видел его, слышишь?

Игорь постарался успокоить Демьяна. В другой ситуации он бы его поддержал, так как Игорь больше всех любил старорусские сказки про Бабу-Ягу, Кощея Бессмертного и прочую нечисть. Но не сейчас. Сейчас он чувствовал ответственность за покой брата.

– Всё хорошо, тебе просто померещилось.

– Нет! - вскинув руки, вскрикнул Демьян. – Не померещилось! Он был здесь! Он специально меня сюда завёл!

– Куда сюда? Ты же здесь бывал.

– Нет! Никогда я здесь не бывал! – заверил в сердцах Демьян и упал на землю, подтянув в страхе колени к груди. Игорь сел на корточки рядом и, положив руку на плечо, попросил брата об одолжении:

– Демьян, смотг'и.

Игорь направил фонарь чуть правее. Демьян приподнял голову и увидел, как свет фонаря извлёк из темноты знакомую ему постройку – домик на дереве.

Демьян вскочил на ноги и в неразумении выхватил фонарь.

– Да как так? – потерянно спросил он, освещая знакомые ему кусты и деревья.

– Демьян, ты же ночью тут никогда не был. Неудивительно, что запаниковал. – четко подметил Игорь, и Демьяну стало чуть легче. Возможно, Игорь был прав. Демьян продолжал освещать кусты, успокаивая себя.

Затем Демьян присел и загреб руками землю. Разминая её, он прошептал под нос:

– Теплая.

– Чего? – спросил Игорь.

Демьян отбросил землю, отряхнул руки и приподнял голову, принюхиваясь:

– Не пахнет… – в непонимании пробубнил он.

– Демьян?

Демьян на мгновение ушел в свои мысли. Возможно, ему и вправду показалось. Ночью, да и еще в лесу, воображение двенадцатилетнего ребенка может разыграться не на шутку. Тем более, последние ночи Демьян плохо спал и поэтому, скорее всего, фантазия на этом и отыгралась. Да к тому же верить в домовых и леших любимое занятие не его, а Игоря. Который сейчас, на удивление Демьяна, относился с не свойственным ему безразличием к нынешнему событию.

– Вы меня что, всем составом искали? – внезапно поинтересовался Демьян у брата, всматриваясь в бегущих к нему ребят.

–- Конечно, – ответил Игорь, и их с братом вскоре обступили и другие мальчишки, светя фонарями.

– Ура! Нашелся! – прокричали близнецы, держась пальцами за футболки своих братьев.

– Не мог заблудиться где-то поближе? – сказал Степа, как всегда с ноткой недовольства.

Олежка тем временем все конспектировал в свой блокнот:

– Ну, итак. Тебе нравится блуждать в ночи? – спросил он Демьяна так, будто брал интервью, и, закусив ручку, ожидал ответа. Демьян осмотрел братьев, намереваясь что-то сказать, но замер и выдохнул, отмахнувшись. К мальчишкам стремительно приближался самый большой и главный фонарь - их отца. Совсем скоро он прогнал всю темень вокруг, и запыхавшийся Прокофий проревел:

– Ты в своем уме?

Демьян в очередной раз почувствовал себя виноватым и ощутил от этого какую-то усталость.

Прокофий отчитал Демьяна за ночные гуляния, за то, что не вернулся до темноты, зная запрет, но прежде осмотрел его всего. Отец есть отец, волнуется.

– Весь в ссадинах, грязи! Демьян, ну как так? – отряхивал его шорты заботливой рукой Прокофий. Затем он дотронулся до лица сына и взглянул ему в глаза.

– Точно всё хорошо?

Демьян улыбнулся обеспокоенному отцу.

– Да, – сказал он и подошел к мертвому дереву с засохшими ветвями, похожими на руки.

– И пап… Я нашел его, – с облегчением и с легкой гордостью сказал Демьян, сняв с коряги свой крест.

– Больше его не потеряю! – заверил он, после чего поспешил повесить его себе на шею, но прежде отряхнул и поцеловав.

– Вот и славно, - просиял в ответ Прокофий и предложил всем наконец-таки двинуться домой, выпить какао и, обмывшись под душем, лечь спать.

Прокофий шел домой в полном спокойствии. Крестик найден, Демьян цел (не считая ссадин) и все хорошо. Но совсем скоро его умиротворение нарушило перешептывание братьев за спиной. И, судя по выражению лица кудрявого и рыжеволосого сына, что-то в лесу произошло. Но о чем именно говорили сыновья, Прокофий не знал. Прокофий вновь почувствовал, как давящая тревожность окутывает его. До дома оставалось недолго, и совсем скоро он соби-

рался расспросить Демьяна уже по новой, со всей серьезностью и настойчивостью. А если из-за упрямства Демьян будет увиливать от ответа, то разгадать тайну его «гулянки» поможет честность Игоря.

Подходя к своему дому, они стали свидетелями фееричного скандала. На выходе из подъезда врачи вызванной скорой заламывали женщину в леопардовом пончо и в большущей шляпе с цветами. Это была баба Зоя, которая работала консьержкой в доме, где жила семья Прокофия. Баба Зоя кричала несвязанные между собой вещи и извивалась, будто из неё выгоняли бесов. Вместе с ней панику наводила её оппонентка, жительница дома. Она кричала на бабу Зою и призывала врачей, которых вызвала именно она, увести её прочь как можно скорее.

– Вы только гляньте! – кричала она, закатывая рукава кофты. – Она меня всю расцарапала! Она ненормальная!

И это действительно так и было. Кто взял на работу бабу Зою и почему - неясно. С ней жильцы дома старались не контактировать, и дело было, как можно догадаться, не в леопардовом пончо. Долгое время, никто из жильцов дома на её странности внимания не обращал. Но этой ночью она была словно сама не своя. И как итог - расцарапанные руки и последняя упавшая капля терпения той, что от нее и пострадала. Изо рта бабы Зои плотным потоком вырывался словесный бред. Она вопила о ком-то или о чем-то, что где-то повисло, притаилось.

И только лишь тогда, когда она увидела Прокофия, тело её окрепло, глаза уже не бегали, а словесный бред обрел какую-никакую внятную форму.

– Ты! Прокофий, – баба Зоя с упреком направила на него указательный палец и начала им покачивать. – Ты знаешь, что они существуют! Ты их видел! Но это был не один из них. Это было куда опаснее. И тем в их мир еще рано!

–Женщина, уймитесь, – вторил ей врач, но баба Зоя не сдавалась. Мужчины повисли на её руке, но она их лихо откинула. А затем подбежала к Прокофию и схватила его за воротник.

– Это было сегодня ночью! Я видела его! Он здесь! И уже ничего не поделать, – взгляд ее был как никогда ясный. Им она словно буравила Прокофия насквозь.

– О чем вы? – спросил Прокофий Иванович.

На бабу Зою вновь накинулись врачи, но она и в этот раз смогла высвободиться. Мальчишки от страха встали небольшой стайкой в стороне.

– Мужчина! Помогите же им! Они с ней не справляются, – кричала расцарапанная соседка в истерике. Один из врачей зачем-то побежал в машину, что-то доставать. А баба Зоя взревела:

– Все уже началось! Слышишь?

Врачи опять попытались оттащить её от Прокофия, накинувшись на нее всем весом.

– Но он не решится делать это с ним здесь! – голосила консьержка, не взирая на навалившихся на нее мужчин. - Он боится небесного крыла, но его спасение, что та об этом не знает, – простонала она еле-еле.

– Ну же! Вяжите её! Прокофий! Ну, помогите же им, – не успокаивалась пострадавшая соседка и бегала вокруг бабы Зои и врачей, не зная, чем помочь. Те пытались сделать укол успокоительного.

–Давай! Коли!

Мужчины практически подлетели вверх и попадали, выронив и смирительный халат, и шприц с успокоительным. А баба Зоя опять была на ногах и готова к бою.

Она набрала в грудь воздуха и во второй раз стала было грозить пальцем, как вдруг вздрогнула и начала постепенно обмякать.

– Вы уж простите, – сказала виновато соседка, вонзив ей шприц в плечо.

– Она же сейчас ударится, женщина! – воскликнул один из врачей и кинулся ловить падающую назад консьержку. Прокофий подхватил Бабу Зою и аккуратно, чтобы та не упала, опустил ее на землю. Чувствуя, что она отключается, женщина вобрала в грудь воздух и словно

старый магнитофон в фильме ужасов стала прожевывать последние слова, которые глухо проваливались в ее горле:

–Я… Я видела его… Зло нависло над твоим домом…Он презренно игнорировал высоту в десять этажей. О да…Такая мелочь ему нипочем. Там, откуда он явился, высоты куда больше, глубже…

Озадаченный Прокофий наклонился к ней, чтобы расслышать слова бабы Зои, и спросить наконец:

– Да кто явился?

Баба Зоя приложила все усилия, чтобы её веки не сомкнулись. Ее взгляд, зацепился за священника перед собой, и из грудины тихо вырвалось:

– Дьявол… И, – баба Зоя указала пальцем в стайку мальчишек, – он - его причина.

На этих словах консьержка окончательно обмякла и отключилась. А Прокофия окатила волна страха, ведь он успел увидеть, что консьержка, прежде чем потерять сознание, указывала на Демьяна.

– Ну всё, готова. Наоралась, – сказал второй врач и, взяв её под руки, он с коллегами поволокли бабу Зою к машине.

– Ну, наконец-то! - победно вскинула руками соседка.

А после наступила давящая тишина.

Прокофий, почувствовав, как засосало под ложечкой, потупил взгляд. А затем он, ничего не говоря, направился торопливо к лифту вместе с мальчишками. В лифте они ехали молча. Прокофий был в своих мыслях, а мальчишки боялись сболтнуть лишнего. Зайдя домой и закрыв за собой дверь на замок, Прокофий тут же пустился допрашивать Демьяна со всей серьезностью, он желал знать больше. Других же отправил пока мыться и готовить постели ко сну.

– Все хорошо, пап. Я просто заблудился в темноте, – раз за разом уверял сын отца.

– Никого ты там не видел? Никто не нападал и не следил? – с подозрением уточнял Прокофий.

– Нет.

– Ясно… – сказал он, сложив руки на груди. Пытать Демьяна бесполезно. И так как Прокофий хотел знать не просто больше, а всё, он принял предсказуемое для Демьяна решение – позвать Игоря.

Едва ли он успел вдохнуть, чтобы его голос привел на допрос рыжеволосого сына, как по квартире разнесся чей-то душераздирающий вопль. Все члены семьи, включая Настасью Павловну, повыпрыгивали из своих комнат и незамедлительно понеслись сломя голову на крик.

Крик привел в комнату, где спал Демьян с Егоркой и Игорем.

– Что такое? – закричал перепуганный Прокофий, вбежав в темную спальню сыновей.

На полу, забившись в угол, сидел Игорь и, зажмурившись, второпях читал молитву. Его трясло, руки, держащие крестик, дрожали.

– Игорь? – Прокофий бросился к сыну, как и Настасья Павловна.

–Там! – крикнул тот, указав дрожащей рукой на распахнутое в комнате окно.

Прокофий обернулся, а затем одним прыжком подлетел к окну. Под ногами что-то захрустело.

– Включите свет! – отдал он приказ, и настенный выключатель тут же привел люстру в действие. Под ногами Прокофия лежали осколки разбитого цветочного горшка.

– Я… я вошел, а он! Он хотел залезть! – всхлипывал Игорь.

– Ну, тише. Все хорошо, – Настасья Павловна накинула свою шаль на плечи Игоря и начала успокаивающе гладить его по голове. Прокофий облокотился на подоконнике и выглянул в окно. От высоты в десять этажей ему сделалось дурно. Но затем его внимание привлеки

глубокие прорези в кирпичах на наружной стене дома. Прокофий провел по ним пальцами, гадая, кто или что могло бы их оставить.

– Как он выглядел? – задал он вопрос, обернувшись. Игорь уткнулся лицом в колени. Не получив ответа, Прокофий решил еще раз осмотреть оставленные кем-то порезы в кирпичах, но, поворачиваясь к ним, он обнаружил чертовщину и на наружной стороне окна.

– А это что? – спросил он сам себя, глядя на стекло, на котором отпечатались следы от нечеловеческой морды. Искаженная гримаса со свиным рылом.

– Это был он! Из твоего кошмаг'а! – нечаянно выпалил Игорь Демьяну, поддавшись волне страха.

Фантазировать о нечисти ему смелости хватало, но вживую столкнуться - нет.

– Какого еще кошмара? – Прокофий резко отошёл от подоконника, и под ногами захрустели остатки цветочного горшка.

Демьян одарил брата недобрым взглядом, словно мысленно передавал ему сообщение: «Спасибо… Зачем ты это сказал?»

А Игорь, виновато, будто мысленно отвечал: «Прости! Что теперь нам делать?»

Что теперь им делать, они придумать не успели…

– О каком кошмаре идет речь? – Прокофий налетел вихрем на сыновей.

Игорь от порыва отца пригнулся к полу еще больше и тут же обронил доверенную ему Демьяном тайну.

– Демьяну кто-то снился несколько ночей подг'яд и обещал убить! – выпалил он и закрыл лицо руками.

Прокофий громадой свалился от услышанного на одну из трех кроватей, стоявших в комнате.

Щелчок - колпачок от ручки свалился на паркет, и ручка начала писать по блокноту.

– Олежка… - протянул едва слышно Степа. И тишина заполнила пространство. Пару минут семейство молчало, затем Прокофий спросил:

– Так кого ты видел, Демьян? Кто тебе снился?

Все перевели взгляды на Демьяна. Ответ хотел получить, в конце концов, и Игорь.

– Мне снился… Черт, – сказал Демьян, и всё братья тут же охнули и поспешили трижды сплюнуть через левое плечо.

– И в лесу тоже он был? Ты его видел?

Демьян не знал, что и отвечать. Соврет – выдаст Игорь под натиском отца. Скажет правду – еще хуже. Отец запретит туда ходить, и домик на дереве не будет доделан для Егорки.

– Демьян? – Прокофий требовательно вскинул брови. И Демьян сказал, как и учил всегда отец – правдиво:

– Да…

Прокофий замер, в молчании сидя на кровати. Под натиском его опасений он словно окаменел.

– Ну вот, этот день настал… – сказал он с горечью, и после на время воцарилась могильная тишина. Через пару минут стрелки часов в квартире Прокофия все разом сомкнулись вверху, и самые главные напольные часы в коридоре оповестили звонкими и протяжными ударами о полночи. Отбив последний, двенадцатый счет, часы уступили право голоса Прокофию.

Он потерянно встал с кровати, захлопнул окно с отпечатком непонятной рожи и, повернувшись к семье, сказал негромко, но так же твердо, как бьющий молот в механизме часов:

– Мы переезжаем.

Глава 4. Странности на новом месте

Ночь семейство Прокофия проводило, как говорится, с Божьей помощью. Но и сами они не плошали. По наставлению Прокофия все углы, пороги и окна были засыпаны солью. Каж-

дому на шею были повешены чеснок и полынь, а спальные места были очерчены мелом. Ждали рассвета они все в одной комнате – в гостиной, а вместо сказки на ночь читалась молитва. Прокофий долго не мог уснуть. Он не верил, что это всё происходит на самом деле. Целых двенадцать лет он жил в страхе, опасаясь, что это случится. Ведь вурдалак по имени Григор тогда, в ту давнюю ночь, ясно дал понять, что все свои долги он возвращает во что бы то ни стало. Ну а так как долг не был уплачен, то, стало быть, вот она, расплата.

Утром, едва солнце успело взойти, семейство Прокофия пулей выскочило из квартиры, побежав в храм. Начали сбываться и опасения Демьяна – Прокофий ввел новые правила. Посмотреть их, если запамятовал, можно было в дневнике Олежки.

Правила, во-первых, касались гуляний: теперь все мальчишки были под «домашним арестом» и могли выходить на улицу только днем, причем исключительно в сопровождении Прокофия. Особый запрет был для Демьяна – никакого леса даже днем.

Остальными правилами всем наказывалось не снимать свои крестики, ежедневно читать молитвы, а также включить в свой рацион питания в обязательном порядке чеснок, а вместо чая или какао – святую воду, не менее одного стакана ежедневно. Правило с чесноком Демьяна не удручало, ведь его он очень любил.

Церковь на территории небольшого монастыря, огражденного стеной, в которой служил Прокофий, была маленькой. К ней примыкала такая же территория с парой построек и со старой звонницей неподалеку, которую все хотели не один десяток лет облагородить, но по разным причинам не выходило. Поэтому она стояла в запущении, преисполненная грустью и одиночеством. Неподалеку от монастыря, вблизи лесного массива, располагалось городское кладбище.

В храме Прокофий с семьей расположился на цокольном этаже, в небольшой келье, порог которой он так же посыпал солью.

Нововведения отца немного вгоняли мальчиков в тоску, но больше всего с ними смириться не мог Демьян. Ему было тяжело, и в первый день переезда, не совладав с горькой обидой из-за домика на дереве, мальчик нашел успокоение в той, кто всегда его поддерживала, – в Настасье Павловне.

Он часто клал свою голову к ней на колени, выговаривался, а она запускала свои старые пальцы в его волнистые волосы, медленно массируя голову, и разгоняла тем самым тучи в его душе. Ему нравился её теплый убаюкивающий голос и то, как пахли её почему-то всегда зеленоватые пальцы – полевыми цветами, свежей травой.

– Мальчик мой, – начинала Настасья Павловна всегда одинаково с этих нежных и приятных слов, от которых у Демьяна по спине пробегали мурашки. – Уверена, это ненадолго. Вот увидишь.

– Надеюсь… – в ответ вздыхал Демьян. Ему только и оставалось, что надеяться.

Находясь рядом с ней, Демьяну всегда казалось, что между ними была особая связь, которая зародилась задолго до их знакомства. И благодаря этой связи он воспринимал Настасью Павловну больше, чем просто семейную домработницу.

У Прокофия в свою очередь не было никого, кому он мог бы положить голову на колени и дать запустить в свои волосы пальцы. Вместо этого он оставался наедине и беседовал сам с собой, стараясь во всем найти причинно-следственную связь.

Так, в первый же день переезда он пустился в размышления насчет последних событий, касающихся Демьяна. И совсем скоро поняв, что лучшее решение разобраться во всем этом – это навестить бабу Зою, отправился к ней незамедлительно.

– Я на час-другой отлучусь. А вы чтоб не занимались бездельем, ясно? – говорил Прокофий сыновьям. – Настасья Павловна в случае чего всё мне доложит! И вот еще…

Прокофий выложил перед сыновьями кнопочные мобильные телефоны. Да, это, как говорит молодежь, «прошлый век», но сыновья Прокофия до своих лет в принципе в руках не дер-

жали дорогих смартфонов. Не из-за отсутствия денег, а для лучшего процесса воспитания и сохранения их нервов. Эти же Прокофий решил купить на всякий пожарный. Инцидент в лесу убедил его в том, что мобильники для таких случаев крайне необходимы. Вдруг кто-то не дай Бог потеряется или еще чего. Мобильник получила и Настасья Павловна.

– Зарядки в коробках! – Прокофий указал на стопку прямоугольных упаковок, лежащих в углу. – Чтоб всегда были заряжены, ясно?

Мальчишки кивнули, и отец ушел в сумасшедший дом.

Удача в тот день благоволила Прокофию, и ему удалось выбить встречу с бабой Зоей. Войдя в комнату для встреч, Прокофий сел напротив женщины за небольшой столик. Баба Зоя, укутанная в усмирительный халат, улыбалась ему во все зубы. Двое медбратьев стояли чуть поодаль от них, делая вид, что не греют уши, хотя всем было ясно, что это не так.

– Добрый день, Зоя Федоровна! – начал Прокофий и сделал паузу, давая возможность бабе Зое поприветствовать и его. Но она лишь отвела от Прокофия взгляд в сторону и продолжила улыбаться кому-то другому.

– Зоя Федоровна? Можно задать вам вопрос? Прошу, – Прокофий наклонился над столиком, привлекая её внимание. Баба Зоя не реагировала. Её интересовали рыбки в стоящем у стены аквариуме. Прокофий не сдавался.

– Вы сказали, что зло нависло над моим домом… И что он уже здесь. Он – это кто?

Несмотря на то, что баба Зоя уже отвечала на этот вопрос ранее около подъезда, Прокофий всё же не считал его верным. Во всяком случае только потому, что он явно не тот, кем бы мог заинтересоваться сам Дьявол. Возможно, консьержка имела в виду кого-то другого, может, Григора? Он был еще тем мерзавцем. Самый нечистый из нечестивых. Но на стене, судя по следам и отпечатку на стекле окна, был не он. А тот, чей вид подтвердил Демьян. Тогда шла речь о черте? С лица бабы Зои постепенно сошла улыбка, и женщина медленно повернулась к собеседнику. Прокофий порадовался, что привлек её внимание так быстро и так легко.

– О чем вы? Мой сын там! А другой сям! – начала она с ноткой возмущения в голосе. Это не то, что хотел услышать Прокофий, и поэтому он наморщил лоб. Мужчина еще больше склонился над столом и перешел на шепот, видя, как медбратья пристально за ним наблюдают, подслушивая разговор.

– На стене дома, вцепившись в кирпичи, кто-то висел. Помните? – спросил он и дал возможность бабе Зое попытаться зацепиться за оставшиеся разумные крупицы памяти. – Это был черт, верно? О нем вы говорили? – уточнил он, и баба Зоя свела брови на переносице.

– Вы в своем уме? – спросила она так ясно и так четко, что Прокофию на секунду показалось, что пациент здесь не она, а он.

– Эм… Да… – ответил Прокофий, сбитый с толку. Баба Зоя отвернулась от него с напускным безразличием.

– Зоя Федоровна?

Но Зоя Федоровна молчала. У Прокофия больше не выходило перетянуть внимание с аквариумных рыбок на себя, и вскоре бабу Зою увели в свою палату. Прокофий остался ни с чем. Удачи хватило только на встречу. Ему оставалось догадываться самому, поэтому он задумался, хлопнув дверью своего старенького авто и отправился назад.

То, что за Демьяном кто-то охотился, Прокофий смиренно принял. А вот кем был заслан черт, если все же это был черт, и для чего – Прокофий понять никак не мог, хотя готов был поклясться, что это дело рук как раз того самого Григора. Может, время действительно пришло? Страхам и опасениям из-за старого долга все же суждено сбыться? Он заслал черта поквитаться? Убить Демьяна в наказание? Похороны собственного ребенка – то еще испытание для родителя. Да и сам Демьян подтвердил, что черт хотел именно этого. НО! Черти Прокофию, как и любому другому человеку, были известны как вечные мерзавцы, склонявшие людей к плохим делам. Но ни один черт не баловался смертью. Вот что еще странно! Не их

эта обязанность. Значит, точно! Совершенно точно! Черт был заслан кем-то! – Твердил себе Прокофий, постукивая по рулю пальцами, чувствуя, как приближается к разгадке.

Но затем он вновь засомневался, остановившись на светофоре.

– Не-е-ет, – протянул он. – Если бы это все было дело рук Григора, он поступил бы куда хуже. Но как? Обратил бы его в вурдалака? Да, это больше похоже на него. Тогда Демьян бы на долгие годы остался мальчиком-кровопийцей и кончил бы с колом в сердце. Прокофий представил эту картину, и его передернуло. Загорелся зелёный. – Да и под слова бабы Зои подходит. «Уже началось». Значит, и вправду? Демьяна начали обращать в крылатого кровопийцу?

Прокофий не знал, как обращают в вурдалаков. Но зато он знал, как их выявлять и как выявлять тех, чьи силы начинали пробуждаться. В конце концов прошлое его туманно, но не настолько, чтоб скрыть его безгрешность, которая и подтолкнула его в свое время на “дружбу” с падшими.

Так, он на всякий случай все эти годы подкладывал чеснок в еду. И не только Демьяну, но и всем мальчишкам. А также он всех окроплял святой водой, и слава Богу все было как надо. Была ли мысль у Прокофия, что Демьян уже заколдован и мог превратиться в вурдалака, подобно полукровкам? Да, была. Но этот страх развеялся после одиннадцатого дня рождения. Именно в эти годы силы теней пробуждаются, а Демьяну нынче шел уже двенадцатый год. Поэтому Демьян точно не нечисть! И все же обратиться в нее можно в любом возрасте, к несчастью.

А стало быть, угроза есть и будет до тех пор, пока Григор что-то не вытворит. Но ждать этого или медлить – не лучший выход. К такому умозаключению пришел Прокофий, подъехав к храму. Заглушив мотор, он вышел из машины и отправился смотреть во все глаза за Демьяном и за тем, любит он чеснок или уже нет. Но навстречу к нему с криками бежала Настасья Павловна, приподнимая подол юбки.

– Прокофий Иванович! Скорее! Демьян!

Прокофий выронил от испуга ключи и рванул с места.

– Куда? Что случилось? – вскрикнул он.

– Туда! Во дворе, за... – дыхание у Настасьи Павловны сбивалось. – За храмом!

Прокофий разогнался что есть мочи, оставив Настасью Павловну позади, и забежал за храм. Там он увидел лежащего в тени дерева Демьяна. Его трясло, а другие мальчишки с испуганными лицами стояли вокруг него, кто-то даже от испуга всхлипывал.

– Демьян! – крикнул Прокофий, приземляясь на колени подле сына. Тот не отвечал, стонал, мучительно жмурясь. – Что? Что случилось? – спросил Прокофий уже у других сыновей, повысив тон. Мальчишки в страхе стали оправдываться, перебивая друг друга. Но что произошло, так никто и не понял.

– Мы п’осто иг’али в го’одки! – собравшись с мыслями, выпалили Игорь. – И , и …

– Что и? – вскрикнул нетерпеливо Прокофий.

– И Демьяну стало плохо, и он ушел сюда! А потом случилось это, – Игорь указал рукой на трясущегося в конвульсиях Демьяна.

Прокофий присмотрелся и заметил, что местами кожа Демьяна покраснела. Лицо и руки обгорели.

– Вы целый день играли? Под солнцем? – негодующее рявкнул Прокофий, и мальчики кивнули. Прокофий грустно покачал головой.

– Ну же, все будет хорошо, – убаюкивающе сказал он Демьяну и, взяв его на руки, пошел в храм. Там уже и Настасья Павловна их нагнала. Принеся Демьяна в келью, они обнаружили, что мальчика охватил жар.

– Мама родненькая, – причитала Настасья Павловна, выжимая полотенце и кладя его на лоб Демьяну. – Да на нём хоть белье суши.

– Он заболел? – обеспокоенно спрашивали братья у отца. Прокофий суетливо всех разгонял и просил не мешаться под ногами. Вытащенный из подмышки Демьяна градусник сообщил нерадостный итог – температура 40.

От увиденных цифр охнули и Прокофий, и Настасья Павловна. В ту же минуту все братья получили указания. Игорь побежал в магазин за малиной, Олежка должен был вскипятить воду для чая, Степу просили раз за разом менять смоченное холодной водой полотенце, а близнецы помогали по мелочам. Затем жар сменил озноб.

– Х-х-холодно… – простучал зубами Демьян, и внимание Настасьи Павловны привлекла внезапно появившаяся на его ожогах деталь. Она надела очки, склонилась над больным и ужаснулась.

– Прокофий Иванович, – позвала она, проводя аккуратно пальцами по открытым на теле местам. – Смотрите.

Прокофий Иванович незамедлительно подбежал и, сощурившись, побледнел.

На лице, шее и руках, что были пару мгновений назад просто красными, выступили желтые водянистые пузыри. Они лопались, и их содержимое, словно кипящее масло, вязкими каплями стекало по коже.

– Да что это такое?

Демьян начал стонать, каждое движение причиняло ему муки, а мягкие подушки казались терновым венцом. Демьян приоткрыл один глаз и произнёс еле слышно: “Папа, мне больно…”

На лбу лопнула еще одна пара волдырей и заставила Демьяна опустить веки.

Прокофия охватывала паника, а морщины на лице углубились.

– Я помогу тебе, сынок, всё будет хорошо… Потерпи! – прошептал Прокофий Демьяну и промокнул холодным полотенцем обожжённый лоб сына. Прокофий не знал наверняка, что это. Просто сильный ожог от солнца или один из этапов обращений в кровопийцу? Однако он схватился за телефон и вызвал подмогу – тех, кто работает в паре с Господом, помогая людям избежать преждевременной встречи с костлявой, – “Скорую помощь”.

Бригада медиков явилась к церкви незамедлительно, а вместе с ними прибежал и Игорь с малиной.

– Ну, куда идти, кто у вас больной? – спросила врач. И Прокофий провел их к Демьяну. Врач и медсестра осмотрели мальчика и вновь всучили ему холодный градусник, от которого Демьяна всего передернуло и затрясло.

– Потерпи, солнышко, потерпи, – по-доброму говорила медсестра.

А врач тем временем уселась на принесенную ей Прокофием табуретку и начала опрос.

– Ну? Чего случилось? Рассказывайте.

Олежка достал свой блокнот, как и врач свой планшет. И оба принялись черкать ручками, когда Прокофий начал говорить, путаясь в мыслях.

– Не знаю, с чего начать. Эм… Вот сыновья играли на улице, под солнцем, – Прокофий сделал паузу, смотря, как врач делает заметки в планшете, затем продолжил. – Думаете, ожог, сгорел на солнце?

Врач вновь взглянула на вытекающие волдыри Демьяна и сочувствующе поцокала.

– Да не думаю, так и есть… – сказала она, а затем спросила. – Как долго под солнцем он пробыл?

Прокофий пустился в воспоминания, словно хотел вспомнить всё вплоть до минуты. Но Настасья Павловна опередила.

– С утра и вот до этого часа, почти… Весь обед точно…

Врач удивленно вскинула бровями. А затем она отложила планшет и протянула руку к медсестре.

– Давай градусник.

Та достала его аккуратно из подмышки Демьяна и вложила ей в руку.

– Хм. Ну да… Сорок. Ожидаемо, – сказала она и вновь отдала его медсестре, не глядя в её сторону. Та протерла прибор и убрала в уклад.

– Но он все лето у меня гулял и такого не было, – удивленно развел руками Прокофий. Он думал, что всё же это не ожог…

Врач тяжко вздохнула и чуть повысила голос.

– Уважаемый, вы в каком городе живете?

– В этом.

– Ну? Последние два месяца какая погода у нас была? Облака да дожди, а отметки на термометре едва хватало, чтобы белье высохло на улице. Это как раз сейчас вот... – взмахнула врач рукой. – Рекордный день! Жара невыносимая, под 40 градусов, и ни одного облачка. Неужто новости не смотрите?

– Не смотрим, – виновато ответила за Прокофия Настасья Павловна.

– Ну вот и зря, – сурово сказала ей врач. – Сколько машин за этот день расплавилось, и что ни звонок в МЧС – то пожар. И всё сегодня!

Прокофий задумался. А ведь действительно, погода текущего месяца была прохладной по меркам лета. Многие ходили в ветровках. Ну а сегодняшний первый за все летние каникулы жаркий день, Прокофий возможно и не заметил этого из-за своих переживаний. После этих мыслей на сердце у него чуть отлегло, хотя волнение все равно бередило душу. Особенно после того, как врач сказала насчёт погоды “чертовщина какая-то”.

– Так что неудивительно, что ваш сын такие ожоги получил. Солнце в обед самое опасное! – продолжала она, вновь осматривая Демьяна. – У любого на его месте кожа слезла бы. Да и сам он светленький к тому же. Это тоже немаловажно.

Врач распрямилась на табуретке и взяла чистый лист.

– Так что это просто ожог. Сильный, но ожог.

– Но мои другие сыновья тоже были весь этот день под солнцем! – не унимался Прокофий.

Врач задумчиво взглянула на мальчишек и поджала губы. Прокофий почувствовал, как волнение вновь разрастается в его груди, как огонь в стоге сена.

– Пап… – начал Степа, – Мы часто уходили в тень. Не как Демьян…

– Да… – подтвердили остальные. И на это врач развела руками.

– Вот видите. Ладно… – протянула она и уткнулась в свой чистый лист для заключений. – Вот вам мази выписываем, “Пантенол”, таблетку от температуры сейчас дадим, можете, кстати, тоже подавать, если снова будет подниматься, – врач протянула написанные рекомендации Прокофию, а медсестра дала таблетку Демьяну.

– На, мой хороший, выпей.

Демьян совершил над собой усилие и проглотил лекарство. Врач убрала все свои медицинские принадлежности в уклад и распрямилась.

– Ну и сметанкой можете обмазываться, – добавила она вновь, сочувственно взглянув на ожоги Демьяна, а затем обернулась на Прокофия и Настасью Павловну. – Сметана-то есть? А то у нас кончилась, – сказала она, бросив взгляд на уклад.

– Купим! – заверил решительно Прокофий и в этот же миг во второй раз послал Игоря в магазин, но уже за сметаной.

– Ну и славно! Мажьте ожоги сметаной, и будет как новенький через пару дней. Народный способ, проверенный.

– Благодарим вас, дай Бог вам здоровья! – Пожелала Настасья Павловна, не сдержав слёз. Врач и медсестра расплылись в улыбке и поблагодарили тем же.

– Ну и почаще смотрите на небо, папаша. Если новости игнорируете, – напоследок посоветовала врач, когда Прокофий провожал их до машины.

– Разумеется, – с улыбкой сказал он и принял совет к сведению.

Через пару минут прибежал Игорь, и ожоги Демьяна уже были намазаны толстым слоем сметаны. Как и говорила врач, через пару дней Демьян встал на ноги, и от температуры и ожогов не осталось и следа, разве что кожа слазила.

Насчет погоды Прокофий тоже был теперь аккуратен. Без панам он никого не выпускал из церкви и всегда проверял погоду. Если была жара – наказывал сидеть в тени всем, без исключения. Особенно в обеденные часы.

Передышка в странностях была недолгой. Следующей проблемой для Прокофия стал чеснок. После еды Демьян свалился на пол, схватившись за живот.

– Нуууу... – протянул врач в поликлинике, нажимая на живот вскрикивающему от боли Демьяну. – Гастрит, скорее всего. Обострение, – заверил он.

– Откуда? – озадачился Прокофий? – Чипсов он не ест, газировку не пьет. Все на фруктах и овощах!

Врач пожал плечами.

– Не знаю, причины могут быть самые разные, – врач, продолжая осмотр, надавил чуть сильнее, и из желудка Демьяна, разумеется, через рот, на пол выскочили все зубчики чеснока. К слову, не переваренные. Врач проморгался от увиденного и вопрошающе сначала взглянул на Демьяна, а затем обернулся и на его отца, выгнув бровь в недоумении.

– Чеснок? И вы едите его в *таком* количестве? Вернее… Глотаете? – доктор с ужасом взирал на дюжину больших головок около своих ног.

– Да… – сухо подтвердил Прокофий, хотя был уверен, что Демьян их жевал всеми зубами.

– И как часто? – с опаской задал второй вопрос врач.

– Ну... – Прокофий виновато поджал губы. – Трижды в день.

– Трижды в день? Это получается... – врач закатил глаза, считая. – 36 зубчиков чеснока в сутки, 252 в неделю и 1 116 в месяц? Если в месяце 31 день, конечно же… Зачем? – удивился врач, раскрыв рот.

Прокофий молчал. Не скажешь же, что так Прокофий отгоняет нечисть? Да и потом, раньше они обходились одним зубчиком чеснока в сутки, это последние дни так вышло. Поэтому чрезмерным превышением Прокофий это количество не считал.

– Чеснок – вещь полезная, конечно, но не в таких же масштабах! – опроверг мысли Прокофия врач. – Не удивительно, что вашего сына от него воротит!

И в этот день Демьяну поставили диагноз – отравление и аллергия на чеснок. В качестве лечения ему выписали паровую диету и исключение из рациона аллергенного растения. Что Прокофий и сделал. Но на время.

Прошла неделя, и Демьяну стало легче. Зубчик чеснока он ел аккуратно и всего один раз в день. Радости в душе прибавилось с выпиской Егорки, которая чуть запозднилась из-за одной его кости, которая никак не хотела срастаться. Мальчишки Егорку встречали как положено, с апельсинами и молоком, которое они с Прокофием успели найти у другого местного козовода. А сам Егорка больше наслаждался объятиями, которых ему так не хватало из-за этого проклятого гипсового кокона.

На следующий день Демьян был сам не свой. Он был вялым, сонным и не показывал особого желания что-либо делать.

– Хандра настигла, сынок? – уточнял Прокофий, глядя, как Демьян клевал носом за обедом.

Но тот молча пожимал плечами. Ночью же Демьян плохо спал, если вообще можно считать, что он спал. Так продлилось пару дней.

И по этой причине следующий поход к врачу не заставил себя долго ждать. Прокофий решил обязательно сходить к педиатру. Тот начал осмотр с расспроса, ну а затем стал слушать сердце, которое… не билось?

– Что? – вскочил Прокофий с табуретки. – Как не бьется?

Побледневший врач сбросил с себя стетоскоп и взял другой из дальнего ящика.

Он всунул оливы себе в уши и прислонил акустическую головку стетоскопа к грудине Демьяна.

– Господи... – выдохнул он. – Всё нормально…Наверно тот уже того.

Прокофий без сил плюхнулся на стул и протёр рукавом лоб. Врач, продолжая слушать легкие Демьяна и говоря: “Дышите – не дышите”, с улыбкой обернулся на Прокофия.

– Да что вы так взволновались? Ах-ха! Если бы оно не билось, то ваш сын на ногах сейчас бы не стоял.

Прокофий в ответ улыбнулся. И подумал, знал бы этот врач, что вместе с живыми по земле расхаживают те, чье сердце может не биться не одну сотню лет, он бы так беспечно не говорил.

Педиатр, как и следующий врач, к которому они обратились для второго мнения, поставили диагноз – бессонница из-за стресса. И для её решения выписали настой трав для питья.

Но к несчастью Прокофия через пару дней стало только хуже, а настои не оказали должного эффекта. Помимо бессонницы вернулись и прежние недуги. За обедом у Демьяна случился приступ, когда он учуял и увидел чеснок у своих братьев.

Закрыв ладонью нос, он убежал из-за стола прочь и долго не мог прочихаться. А после у него жутко болела голова. Да так, что не помогали никакие таблетки. Он сжимал от боли свои виски ладонями, словно тисками. На солнце он также стал реагировать как в тот раз – всё тело стало покрываться волдырями и ожогами, даже когда Демьян находился в тени. И сколько бы Игорь ни бегал за сметаной и сколько бы ни мазали “Пантенолом” – всё было без толку. Все привело к тому, что Демьян перестал выходить на улицу, а солнцезащитные очки стал носить днем даже в помещении. По ночам он маялся, никак не мог уснуть и с нездоровым блеском в глазах взирал на луну. Днём же был слишком вялым и слонялся из угла в угол, не находя сил взяться за какое-либо дело. Спустя пару таких дней Демьян побледнел, а под глазами у него выступили темные круги. От усталости или болезни – Прокофий понять не мог. Хотя с большей уверенностью он считал, что это не просто болезнь. И от этого его трясло, причем не столько от страха, сколько от осознания своей беспомощности и злобы.

Разделял горе и тоску Демьяна больше всех Егорка. Он не отходил от него ни на шаг, даже когда тот сидел в максимально угрюмом настроении и скучающе смотрел на дневную улицу.

Настасья Павловна настояла на том, чтобы Прокофий опять вызвал “Скорую помощь”, и тот сделал это, хотя и считал бессмысленным, так как Прокофию скорее нужно было искать того, чьих это рук дело, пока не стало слишком поздно. Ну а если все же это дело рук Григора – то договориться с ним о новой сделке ради спасения сына.

Новая бригада заявилась к Прокофию чуть позднее, чем первая в прошлый раз. И состояла она из двух врачей. Пройдя к больному, они также всучили ему градусник и устроили, как и положено, опрос.

Прокофий рассказал всё как есть за исключением чертей, вурдалаков и прочего.

Исходя из услышанного, врачи преждевременно предположили, что Демьян возможно сильно отравился или подцепил какой-то вирус, но когда они достали градусник из-под его подмышки, то озадачились.

– Температура низкая… – врач прислонил ладонь ко лбу Демьяна и, обернувшись на напарника, потерянно сказал: – Холодный…

– Может, этот попробуешь? – протянул второй врач электронный градусник.

Через пару минут результат был не лучше – температура 30 градусов.

– Такого не может быть, – сказал один врач другому, и оба сочли, что градусники пришли в негодность.

Прокофий от увиденного и услышанного еще больше поддался своей панике. Настасья Павловна прятала руки в шаль раз за разом, а затем попросила остальных ребят выйти за дверь. Слишком много народу было в настолько маленьком помещении.

Странности продолжали накапливаться. Один из врачей решил послушать Демьяна и, как педиатр несколькими днями ранее, удивился отсутствию сердцебиения.

– Вы можете снять кардиограмму? – спросил Прокофий у врачей. Те ответили, что могут, и уже в следующую минуту они сделали её по просьбе мужчины.

Выданные результаты заставили врачей еще больше озадачиться. Они взглянули на Демьяна, который лежал, дышал и смотрел на них уставшими глазами, убеждая их в своем существовании. Но всё же, несмотря на это, один из врачей повернулся к Прокофию и показал результаты кардиографа.

– Эм… Простите… Это дикость. Но судя по *этому*… Ваш сын мертв, – сказал он тихо и сухо.

Настасья Павловна рухнула на пол, и к ней тут же метнулись врачи и поспешили привести её в чувства. Прокофий поднял упавшие из рук врача результаты кардиографа с пола, ловя себя на мысли, что время утекает стремительно и безвозвратно.

– Нужна госпитализация, – заверил один из врачей. Но Прокофий смял результаты и, бросив взгляд на Демьяна, сказал:

– Нет! Мой сын жив и будет жить!

– Да! – поддержал врач. – Дай Бог, так и будет, и долгих ему лет жизни, но для этого нужно оказать вашему сыну помощь!

– Нет! – повторил настойчиво Прокофий.

– Да как нет? Два градусника показали температуру, как, как… – врач пытался подобрать более деликатное слово, но не нашел. – Как у мертвеца. Да и кардиограмма о том же говорит. Можете мне говорить, что угодно, но здесь что-то нечистое!

– О да, вы правы, доктор, – подтвердил Прокофий, хищно усмехнувшись. – И я сам с этим разберусь, – заверил решительно он и уже в ближайшие минуты выпроводил врачей из церкви, взяв на себя полную ответственность за отказ в госпитализации сына, расписавшись в соответствующих бумагах.

После отъезда бригады скорой помощи Прокофий сделал куда-то пару звонков, и под вечер на территорию храма подъехала большая грузовая машина. В её кузове лежало что-то, накрыто брезентом.

– Как думаете, что там? – гадал Игорь, а Олежка в блокноте очертил полосу для вариантов братьев. Но она так и осталась пуста. Никто не осмелился высказать свои предположения.

Братья, выглядывая из-за угла церкви, заметили, что грузчик помог Прокофию стащить на землю длинные деревянные доски. Расписавшись на бумаге у водителя и отдав ему деньги, Прокофий вскинул их себе на спину и потащил к сараю на территории храма.

– Доски? Зачем ему они, да еще и так много? – задался вопросом Олежка.

– Ну уж точно не для растопки бани, – съязвил, как всегда, Стёпа.

В это время с Демьяном сидела Настасья Павловна и Егорка, они делали всё возможное, чтобы Демьяну стало легче. Но легче ему не становилось. Он тяжело дышал и его клонило в сон. Хотя уже меньше, чем пару часов назад. Это обнадеживало Егорку, который изо всех сил шептал молитвы, сложив свои ладошки у груди. И через каждые пару минут проверял, не стало ли Демьяну легче.

Мальчишки решили тайком посмотреть, что же будет делать их отец. Они приблизились к приоткрытой двери в сарай и заметили, как Прокофий, положив доски на выставленные рядом скамейки, принялся сколачивать их гвоздями.

– А вы что тут делаете? – вскрикнул он, увидев свидетелей.

Мальчишки перепугались и поспешили извиниться. Но Прокофий вмиг нашел им занятие.

– Живо к Демьяну и читаем молитвы, пока я не явлюсь. Ясно? – Прокофий дал указания, какие именно и сколько раз читать, и братья помчались выполнять наказ отца, параллельно обмениваясь мыслями насчет того, что сейчас увидели. А Прокофий, прикрыв дверь за сыновьями, вернулся к своему делу.

Братья, прибежав в церковь, по своей неосторожности имели глупость обменяться последними доводами насчет увиденного перед порогом в келью, а затем, зайдя в нее к Демьяну, принялись молиться. Новость об отце и его досках в сарае породили в душе Демьяна едкого червя сомнения. Ночь наступила подозрительно быстро, и враждебные мысли проснулись в его голове, не давая ему покоя. Как и неясный запах лекарств и страха, пропитавших воздух. Демьян вспоминал слова врачей и их перепуганные лица, когда те говорили о нем Прокофию так, будто час мальчика уже настал. Он не мог поверить в то, что его состояние подводит его к краю, к той границе, где жизнь и смерть сливаются воедино. И тем более не мог поверить в то, в чем убеждал его поганый червь.

– Господи, спаси его… – произнёс громче всех Егорка в искреннем порыве. Его ладошки дрожали, держа молитвенник. А затем он вновь зашептал под нос, как и другие братья, которые тоже не отставали от восьмилетнего братца. Близнецы вторили услышанное за Игорем, а Степа как никогда оптимистично прочитывал одну молитву за другой, пытаясь отогнать все дурное прочь. Олежка был мысленно с братом.

Демьян обвел взглядом братьев и почувствовал жгучую горечь в груди из-за настойчивой мысли, что может их больше не увидеть.

– Я умру, да? – тихо выдавил он, обращаясь к Настасье Павловне.

– Нет, что ты? – сплюнула она и, как и любил Демьян, запустила в его волосы свои пальцы. – Всё обойдется, мальчик мой.

Демьян едва улыбнулся и решил довериться словам Настасьи Павловны и более чутким молитвам Егорки. Этого ему сейчас было более, чем достаточно. Но молитва Егорки прервалась. Он всхлипнул от услышанного и убежал прочь.

Затем он вернулся с апельсином и налил в стакан чашку козьего молока, что осталось у него в бутылочке.

– Держи, – протянул он и то и другое. Демьян улыбнулся и приложил все усилия, чтобы проглотить дольку апельсина и выпить молоко. Он не был уверен, что это ему поможет, но был уверен, что Егорке от этого будет чуть спокойнее. И потому сделал это. Демьян чувствовал, как их забота и любовь, молитвы и надежды окутывают его, словно большой невидимый кокон. Возможно, эта борьба за его жизнь и есть то, что придаёт ему сил – знание, что он в этом мире не один. К полуночи молитвы стихли – мальчишки уснули, а Демьян сделал глубокий вдох, чувствуя, как к нему вернулась толика его сил. Эту малую крупицу он решил использовать, чтобы наконец-таки заснуть и как следует выспаться.

Закрыв глаза и сопротивляясь тревожным мыслям, он потерялся в ощущениях. Теперь ночь ему казалось не такой уж не родной, а тени не такими темными. Демьян поддался необъяснимому желанию встать на ноги, что он и сделал на удивление быстро и двинулся к главным дверям церкви, подобно туману. Остановившись на пороге, Демьян толкнул ее скрипучие двери, и те распахнулись, обнажив ночь. Лунный свет упал ему на лицо, и его глаза засияли при виде луны призрачным нездоровым блеском. Холодный ветер, как предвестник беды, казалось, завывал молитвы, что читались ранее братьями во его здравие, а крупные капли дождя разбивались о землю, словно надежды на прежнюю жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.